



ЛЕНА
ЛОРЕН

Одна ночь
две тайны

Лена Лорен

Одна ночь – Две тайны

«Литнет»

Лорен Л.

Одна ночь – Две тайны / Л. Лорен — «Литнет»,

— Станешь суррогатной матерью! — заявляет он. — Тебе нужны деньги, мне — здоровый ребенок! Родишь, а взамен я устрою тебе лучшую жизнь. *** Я провела с Назаром всего одну ночь. Он купил меня. Лишь спустя два года я встретила с ним вновь. Он выручил меня, когда я сводила концы с концами, но не признал во мне ту, что однажды уже была с ним близка. А теперь этот мужчина предлагает мне огромные деньги взамен на ребенка. Вся правда в том, что у него уже есть дети. Я родила от него двух чудесных сыновей, о существовании которых он даже не догадывается. Но доказательств тому у меня нет, ведь наших детей отняли у меня еще при рождении.

© Лорен Л.

© Литнет

Содержание

1. Мешок с костями	5
2. Курс на сближение	9
3. В логове у "монстров", или То самое предложение	14
4. Костыль	21
5. Тревожный звонок, или История Золушки	24
6. Досье на "Золушку"	31
7. Результат анализа прошлого	35
8. Паук vs Змеюка подколотная	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Одна ночь – Две тайны

Автор: Лена Лорен

1. Мешок с костями

Назар

Красный сигнал светофора.

У остановки перестраиваюсь в крайнюю правую полосу для последующего поворота.

Ненавижу светофоры.

Столько времени потрачено впустую на них. Они же – инициаторы ненужных мыслей в голове.

Можно подумать, не было бы светофоров, то жизнь моя стала чуточку проще.

Не стала бы один черт.

В последнее время именно на светофорах я все чаще задумываюсь о продолжении рода, о семье. Мне нужен ребенок. Чем скорее, тем лучше.

А подходящей молодой бабы, да чтоб поплодовитей, днем с огнем не сыщешь.

Я чрезвычайно принципиальный, когда дело касается женщин. Не люблю размениваться, но я далеко не железный.

Начинаю уже загоняться. Искать другие пути решения проблемы, вплоть до суррогатного материнства.

Раз не понравилась кандидатка на роль суррогатной матери, два, три, пятнадцать...

Есть отталкивающие психологические факторы. Мне нужна та, которая не сломается психологически, которая вне всяких сомнений отдаст мне моего ребенка. Я в поисках той, которой нужны будут от меня только деньги и ничего кроме.

В лучших традициях эскорт-услуг. С суррогатным материнством я жду такого же принципа: нашел подходящую кандидатку. Она забеременела. Выносила. Родила. Подтерлась. И ушла с миром при огромных деньгах налаживать свою жизнь.

Принципы мои сходят на нет с каждой последующей попыткой, а положительной динамики никакой нет.

Наверное, светофоры и созданы для того, чтобы люди вроде меня чаще окунались в свои проблемы. Чтобы они находили им решения, но...

Но точно не в этот раз.

На сей раз запрещающий сигнал светофора не даёт мне в полной мере погрузиться в свои мысли.

Неожиданно дверь моей машины распахивается. В салон вместе с просочившимся в него приятных запахом дождя заваливается какой-то странный мешок.

Не понял...

– Прощу, поезжайте, – произносит "мешок" жалостливым голосом. Пацаненок, скорее всего. – Умоляю вас! Они же меня схватят сейчас!

Перевожу быстрый взгляд в окно.

Там, на улице, прямо на мою машину мчатся трое мужиков. И они явно не по мою душу.

Тем временем красный свет сменяется зелёным, я переключаю передачу и давлю на газ, уезжая прочь от остановки.

– Спасибо вам большое, добрый вы человек, – запыхавшись, говорит мешок.

Ситуация предельно странная. Она требует незамедлительных разъяснений.

Отъехав от той остановки примерно на два километра, я останавливаюсь в парковочном кармане какого-то первого попавшегося бутика.

– Можешь выходить, – обращаюсь я немногословно, глядя на мешок в зеркало заднего вида.

На заднем сиденье притаились и молчат.

Это капает мне на нервы.

Я разворачиваюсь вполоборота, включаю свет, чтобы видеть эти наглые глаза.

И вот те раз.

Баба молоденькая совсем. Дохлая до неприличия: ключицы её выпирают так, что тошно смотреть, щеки впали, одни глаза только видать.

В огромных серых глазах стоят непролитые слёзы.

Осматриваю: одета она в какие-то обноски не по размеру. Трясущими руками прижимает к груди буханку хлеба и пачку баранок.

– Это не то, что вы думаете, – отчитывается она, виновато отводя глаза в сторону. – Я не украла их.

– Да? И поэтому охрана супермаркета бежала за тобой следом? Потому что ты их не украла?

– Я одолжила их, – надувает она губы, сейчас тут сырость развеет своими слезами. – С зарплаты верну им всё в тройном размере. Возмещу за моральный ущерб. Только прошу, не сдавайте им меня. Я сейчас уйду, правда. Вы больше никогда меня не увидите.

Как ни в чем не бывало киваю ей на дверь и басовито отвечаю:

– Уходи.

– С-спасибо ещё раз, – хлюпает носом.

Она открывает дверь и выпрыгивает из салона.

В боковое зеркало вижу, как молодуха роняет хлеб с баранками в лужу.

Поднимает их, обтирает об свою кофту. Снова прижимает к себе, несмотря на грязь.

Она озирается по сторонам. Шаркая подошвой кроссовок не по размеру, устремляется бегом напрямик во дворы старых построек.

Странное ощущение селится в области ребер.

Мне должно быть всё равно на эту девку. У самого проблем по ноздри.

Однако что-то подсказывает мне, то, что произошло сейчас, не что иное, как образ ее жизни.

От этого и в груди моей щемит...

Жалко молодуху.

Не должны ведь девушки так жить. Не должны скитаться по углам и на ужин довольствоваться ворованной буханкой хлеба, искупавшейся в луже.

Ведь что-то в её жизни случилось наверняка...

Что-то сломалось, дало сбой. И она теперь вынуждена обворовывать супермаркеты.

Неправильно, конечно, это всё.

Но когда-то я сам сталкивался с подобной участью. Сам был беспризорником, скитающимся по улицам, которые стали мне роднее дома отчего.

И врагу не пожелаю столкнуться с этим!

А тут девчоночка...

Молоденькая. Видно, что даже мухи не обидит, а жизнь её обижать не стесняется.

И я тоже хорош. В своем репертуаре гаркнул пару словечек и прогнал, не попытавшись разобраться в ситуации.

Опомнившись, сдаю назад. Заезжаю во дворы, включаю дальний свет фар. Вдалеке мелькает её голубая кофта.

Сигналю, но этим самым только больше пугаю её. Она удирает от меня.

Давлю на газ, объезжаю по тротуару встречную машину, лишь бы не упустить из виду голубое пятно.

И вот, я почти равняюсь с ней. Стекло опускаю, чтобы позвать её. А она уже прошмыгивает в подъезд.

Что со мной не так?

Голос внутри словно взывает помочь ей. Не знаю, хоть пару тысяч дать ей, чтобы совесть не грызла.

Выхожу на улицу, блокирую машину и забегая в обшарпанный подъезд с затхлым запахом. Дышать невозможно.

Прислушиваюсь. Сверху доносится шуршание одежды и настороженная поступь.

– Эй, это всего лишь Я! – выходит довольно грубо.

Да и тупо как-то прозвучало. Наверное, поэтому и молчит молодуха.

Пытаюсь сделать голос помягче, пережимая свои связки:

– Я тот, что увез тебя от охранников супермаркета. Спускайся, не бойся меня.

– Зачем мне спускаться? – отвечает она после недолгой паузы.

– За тем, что я хочу тебе помочь.

– С чем? Мне не нужна ваша помощь.

Да и правда.

Ну с чем я могу помочь ей? Разве пару тысяч смогут облегчить ей жизнь?

– Ты говорила, что с первой зарплаты вернёшь всё в тройном размере. А у тебя работа хоть есть?

– А вам какое дело? Уходите!

Так. Этот разговор ни к чему не приведёт.

Я поднимаюсь по лестнице до пятого этажа.

А там она, забившись в углу как трусливый зайчишка, сидит на корточках. Свой хлеб и баранки к груди прижимает.

Взглядом обвожу лестничную площадку: сырость, грязь, плесень и моча.

– Ты здесь живёшь?

Испуганными глазами смотрит на меня и головой мотает из стороны в сторону. Сторонится меня, как будто я представляю угрозу.

Я хорошо ее понимаю. Мой вид не очень доброжелательный. На первый взгляд я не произвожу впечатление человека, способного протянуть руку помощи.

Напротив, я похож на того, кто может откусить тебе ее по локоть и не подавиться.

Я над этим работаю, но пока все без изменений.

Видя её беспомощность в больших серых глазах, я протягиваю ей руку помощи. В буквальном смысле этого слова

Сам не понимаю, что творю вообще.

– Поедем. Накормлю тебя.

Она округляет свои и без того огромные глаза, на лапищу мозолистую мою косится.

– Куда? – трусливо сглатывает она.

Не люблю я расспросы.

Я из тех, кто вместо слов, предпочитает все решать делом. Из меня слов просто так не вытащить.

Но и случай у нас тут оказался непростой.

Я заостряю внимание на ее изношенных до дыр кроссовках, на спортивном костюме, не выдавшем стирки чёрт знает сколько, на её спутанных белокурых волосах и грязных ногтях.

Однако есть ещё кое-что.

Этого даже видеть не нужно.

Пахнет от неё отнюдь не цветами.

В таком виде нас вряд ли впустят в нормальное заведение, где кормят сытно и вкусно.

– Ко мне домой. Ванну заодно примешь, – натягиваю на лицо улыбку.

С этим сложности.

Не помню, когда я в последний раз улыбался, что и забыл как это делают нормальные люди.

При всем при этом представляю реакцию бывшей, если та вдруг нагрывает ко мне без спроса и увидит, что я привел в свой дом беспризорницу.

"Вонять" же начнет. Назад проситься. Давать пустые клятвы и обещания.

А мне по барабану на ее "вонь". Иммуитет с годами уже выработался. Не пронять.

Пускай вспомнит как, пребывая в глубочайшем трауре, я буквально с помойки ее подобрал и домой к себе приволок.

Разошлись.

На кой черт мне держать при себе бесполезную бабу, которая не в состоянии выполнить свою самую главную функцию – размножение?

Вот же дьявол.

У меня прям дежавю. Все ведь с точностью как и семь лет назад.

Аж током тело прошибло и волосы на руках вздыбились.

– А вам разве не противно рядом со мной находиться?

– Мне будет противно от самого себя, если я брошу тебя здесь в таком состоянии.

– Правда?

– Давай без лишних вопросов, а то я и силой могу тебя в машину потащить.

Девчонка странно реагирует на мои слова. Сильнее в стену вжимается. Губешки дрожат, зубы стучат друг о друга. А потом она вообще зарывается носом в своих ладонях. Слезы свои от меня прячет, словно ей стыдно показывать уязвленность перед здоровым мужиком.

– Только без рук, прошу! Не нужно силой, умоляю! – скулит она жалобно, чем вводит меня в подобие ступора.

Я офигеваю на долю секунды.

Пячусь от неё на пару шагов от греха подальше, руки перед собой выставляю.

Гоню прочь мысли из головы, как с этой девушкой могли обойтись, что вынуждает ее закатывать истерики при одном только упоминании насилия.

Хрустнув своими суставами, я присаживаюсь на корточки возле нее. Убираю её ладони от головы, открывая милое заплаканное личико.

– Не реви, дуреха. Я не обижу тебя.

– Точно не обидите? – шмыгает она.

Видно, что хочет мне верить. Хочет, но боится довериться не тому человеку. Не осуждаю нисколько.

Я заглядываю в ее сверкающие глаза. Серый налет на них похож на туман, в котором затерялись ее мысли.

– Обещаю. Никогда не позволю себе обидеть человека, если он того не заслуживает.

2. Курс на сближение

Я помогаю ей устроиться в машине. Стараюсь не прикасаться к ней даже. Сам сажусь за руль и трогаюсь с места. Телефон, установленный в держателе, вибрирует. Экран мелькает, глаза слепит. В такие моменты я начинаю всерьез задумываться о том, что бывшая моя обладает даром предвидения.

Столько времени ни слуху ни духу, а тут на тебе!
Всплыла. Хотя меня всю жизнь уверяли, что говно вообще не тонет. Она конечно та ещё ведьма, но вряд ли у нее обострилось шестое чувство. Иначе она была бы гораздо умней и расставания пришлось бы избежать. А сейчас лучше ей держаться подальше от меня.

Сбрасываю вызов, мысленно матерясь. Телефон вырубает и разворачиваю голову в сторону глазастого "мешка" с костями.

– Как тебя зовут-то хоть? – интересуюсь после продолжительной паузы.
Я стараюсь подойти к диалогу ненавязчиво. Хочу прощупать почву, дабы не спугнуть ее раньше времени.

Нужна она мне.
Задницей чую. А она у меня "баба" порядочная. Крайне редко подводит, невзирая на то что относится к женскому роду.

"Это тот же третий глаз, только с шоколадным окрасом", – как в шутку отзывались о моей пятой точке сослуживцы.

Шутки шутками, но мне и впрямь кажется, что я на верном пути.
Для начала надо бы узнать побольше о девчонке.

Что она из себя представляет. Если ли родственники, мужчина, дети... питомцы домашние, на худой конец...

– Света меня зовут, – дрожит она не только голосом, но и каждым волоском на щуплом тельце. – А вас?

Моргаю тупо. Репу чешу.
Первый вопрос, заданный мне, и я в лужу присел.
Не знаю даже как ей ответить.

По имени меня давно уже никто не называет. Разве что занудные сотрудники банка, когда звонят с очередным предложением взять у них ссуду под выгодный процент.

– Можешь называть меня Назаром, – выставляю в ее сторону ладонь, она пытается ухватиться за нее, чтобы пожать. В результате просто стискивает мой большой палец своей маленькой ручонкой. – Будем знакомы теперь.

– Ага, будем.

На губах ее мелькает тень улыбки. Такие я обычно называю трусливыми.
Когда вроде бы не хочешь обидеть человека, но понимаешь, что ещё слишком рано для проявления симпатии к противоположному полу.

А мой "пол" не только противоположный, но и с "неровностями".
Пугает ее мой уродливый шрам на лице.
Или она от холода так трясется?
Я включаю печку на максимум, направив потоки воздуха на...
Свету.
Хорошее имя... Солнечное такое.
Давненько я уже не видел в своей жизни таких "солнечных" дней.
И плевать, что на дворе сейчас поздний дождливый вечер.

Остановившись на светофоре, тянусь к ней. Света пугливо вжимается в спинку кресла. Потом нервно хихикает и виноватыми глазами хлопает, словно с ее стороны это была всего-навсего случайность.

Я не дурак.

Мне ничего не остается, кроме как втянуть руку в себя, коль уж она считает ее страшнее ядовитой кобры.

– Извините, я думала вы... – что-то не дает ей договорить. Мнется она.

Неужели с ней и впрямь обошлись настолько жестоко, что она теперь боится каждого шороха?

– Тебе меня не нужно бояться, – говорю через губу, притормозив перед перекрестком. – Я всего лишь хотел переложить сдобу назад.

– Нет. Спасибо, я подержу. Мне несложно, – щебечет как птеник.

Любо смотреть на неё.

Красивая будет, если отмыть замарашку, да самую малость подшаманить. Волосы подстричь, переодеть, откормить и... хрен с ним... маникюр сделать.

– А вы, Назар, рулите. Смотрите, уже пробка за вами собралась, – включает она кокетку. Моргнув, возвращаю взгляд на светофор, уже давно загоревшийся разрешающим.

Я так засмотрелся на неё, что все органы чувств разом отключились на время, за исключением зрения.

Не слышал, как мне начали сигналить машины, следовавшие в потоке за мной.

– Свет, давай на "ты" сразу? – предлагаю я, возобновив движение в сторону дома. – Не люблю я, когда мне "выкают".

Она окидывает меня взглядом, щеку изнутри прикусывает.

– А сколько вам лет?

– А на сколько выгляжу.

– Ну, – протягивает она вдумчиво, сощуриив один глаз. – Вы выглядите как мой папа в тот момент, когда я видела его в последний раз. Ему тогда было сорок шесть. Вам, думаю, тоже около того.

Мда... Запустил ты себя, Молотов.

Скоро совсем в старики начнут записывать. Место в автобусе уступать будут, а "около-подъездные" бабки того и глядишь кадрить станут, а то и вовсе позовут к себе в гости, чтобы я им "трубы прочистил" на старости лет.

– Почти угадала. С одной цифрой всего-то напутала, – нехотя проговариваю.

А про себя думаю: надо бы отвести и своему внешнему виду больше внимания.

– Так и сколько вам лет? Сорок четыре?

– Тридцать шесть.

– Ой, – булькает она, рот ладонью прикрывает, краснеет. – Просто темно на улице. Плохо рассмотрела... Я не хотела..

– Я что, похож на того, кто обижается по пустякам? – в своей привычной ворчливо-стариковской манере перебиваю я.

Ну, чем не старик?

Света резко замирает и головой мотает. Боится даже вздохнуть.

– Не-а. Что вы? Нет, непохожи совсем.

Что-то я палку перегнул. Снова запугал девчонку.

– Ну, а у тебя когда день рождения? – перевожу тему, прекращая строить из себя не пойми кого.

Ей хоть восемнадцать-то есть вообще?

Света вздыхает. Вздох был таким тяжким. Как будто её легкие работают с перебоями. Будто они отродясь не видели такого объема вдыхаемого кислорода.

– Сегодня. Юбилей. Двадцать уже стукнуло, – отвечает она скромно, чем огорошивает меня. С тоской смотрит на свои злосчастные баранки. – Я украла их не потому, что у меня сегодня день рождения, а на моем праздничном столе даже конь не валялся. Если честно, я даже не вспомнила бы о нем, если бы вы не спросили.

– А зачем же ты их украла?

Я совсем не осуждаю. Мне любопытно.

И мне также тоскливо, что в такой день ее "праздничный стол" отнюдь не выглядит праздничным.

Он так же пуст, как и моя треклятая жизнь...

– Меня обманули. Люди, на которых я работала, не заплатили мне. Мало того, они еще и документы мои себе прикарманили, – давится она своими слезами, а утешить я ее никак не могу. Хочу, но не могу. – Я пять дней просидела, обивая порог их дома. Надеюсь, что они вернут мне хотя бы паспорт, а они... Они сказали мне, если я не уйду, то не побрезгуют и пустят меня по кругу! Я еле ноги волочила за собой. Сил уже никаких не оставалось. Я понимала, если не отчаюсь на кражу, то просто подохну от голода. Вот поэтому. По этой причине я украла хлеб, чтоб продержаться еще немного...

Впервые в жизни я испытываю глубочайшую ненависть к людишкам, не имеющим ко мне никакого отношения.

Это то же самое, что защищать свою родину, которой, откровенно говоря, ни ты никуда не сдался, ни она тебе ни в какое место не уперлась.

Но ты все равно должен. Ты обязан. Это твой долг. Потому что "никто, кроме нас.."

Так и сейчас. Вроде услышал душещипательную историю незнакомого человека. Наши пути с большей долей вероятности разойдутся в ближайшее время, а защитить все равно хочется. Проучить тех ублюдков, чтоб мать родная не узнала при опознании.

Не потому, что я мужик, а значит должен постоять за беззащитную девушку.

А потому что кроме меня ей уже никто не поможет. Никто не спасет. Никто не даст ей шанс продержаться в этом жестоком мире как можно дольше.

– Что это были за люди? На кого ты работала? Что делала? – цежу я сквозь зубы.

Злость душит меня так, что я непроизвольно сжимаю обивку руля, представляя как сдавливаю их глотки.

Ещё чуть сильнее сожму – и баранка превратится в полумесяц. Сломаю.

– Я не знаю, кем были эти люди. Я видела лишь одного парня. Лохматый такой, прихрамывает на одну ногу. Он забирал мои документы в качестве залога. А я в это время разносила посылки по адресатам. Работа была легкой, к тому же обещали платить сдельно. За одну такую посылку мне обещали пятьсот рублей. Итого: две тысячи. Это были огромные деньги для меня. Я согласилась, даже не думая.

Шестеренки в голове закрутились.

Лохматый. Прихрамывает на одну ногу.

Знаю я одного такого имбецила, подходящего под описание. На его несчастье, я понял о ком речь ведется.

– Какие это были посылки? – спрашиваю, чтобы точно быть уверенным в своих домыслах.

– Не знаю, – жмет она тонкими плечами. – Маленькие со спичечный коробок. Я не заглядывала внутрь. Мне не разрешалось этого делать.

Резко жму по тормозам. Кулаки наливаются свинцом. Превращаются в кувалды.

Все нутро мое желает того, чтобы я развернулся в обратную сторону.

Нагрязнул в тот притон, организованный "Костьюлем", и произвел в нем тотальную зачистку. Сравнял с землей. Чтобы лет двадцать еще после моего нашествия флора на этом месте не смогла восстановиться.

– Свет, ты доверилась не тем людям! – выпаливаю я чрезвычайно возбужденно. – Ты сбывала наркоту в, так называемых, "закладках". Эти люди наркоторговцы! Барыги, одним словом! А ты была с ними заодно! Тебя ведь могла полиция выловить! И знаешь, что в таком случае тебе бы светило? Десятка, как минимум! Десять лет коту под хвост за две тысячи рублей! Ты головой-то хоть немного думай!

Сегодня я иду на рекорды. Сроду столько слов за один присест не говорил. А тут разошелся.

Ну так вывела! Как можно быть такой безголовой дурехой?

Света тут же в угол забивается. Подбородок дрожит, глаза на мокром месте становятся. Она голову роняет на грудь. Делает вид, что из-под ногтей грязь выковыривает. И тихо всхлипывает, как мышка.

– Я не знала, – гундосит она. – Они говорили, что это безопасно. Ни один закон мною не будет нарушен.

– Один, – уже более спокойно отчитываю. – И так уж вышло, что в нашей стране, практически ничто так не карается, как то, чем ты занималась.

Света берега совсем попутала.

Вместо того, чтобы трястись, поджав хвост, как это делала раньше, она скидывает на пол свои "хлебобулочные", напрягает "ягодичные" и отстегивает ремень безопасности. Привстает из кресла и кидается на меня с объятиями.

– Я правда не знала, – ревет она мне прямо в ухо так, что барабанная перепонка дребезжит и надрывается. – Боже, что бы было вообще, если меня поймали?

Тело все деревенеет. Я лишь свою тяжеленную руку приподнимаю. Смотрю на то, как она зависает в воздухе над Светиной "светлой" головой с растрепанной шевелюрой.

Раз, два, три. Пять секунд проходит, пока я не опускаю ладонь на спину молодухи. Поглаживаю.

– Тише. Все хорошо, – говорю тихо, насколько это возможно, но один фиг не получается. Годзилла ещё шептать не научился. – Сейчас ты уже в безопасности. Больше ты в беду не попадешь.

– Как я могу вам верить? – плачет она, слезы скатываются на рукав моей рубашки. – Они мне говорили то же самое, а теперь... Теперь я осталась без документов! У меня ничего не осталось, кроме жалкой буханки хлеба, которая и та мне по факту не принадлежит.

– У тебя теперь есть я. Тебе придется поверить мне. Придется, если хочешь вернуть себе все, что когда-то было твоим.

Она корпусом от меня отстраняется, глазами хлоп-хлоп. А руки от шеи не убирает. Девичьи ладони приятно массируют тугие мышцы.

До ползущей дрожи. До чего-то горячего и трепещущего.

– Вы что же, мой ангел-хранитель?

Чуть было не рассмеялся в голосину.

Прочищаю горло и с серьезным видом принимаю её слова за комплимент.

– Я далеко не ангел. Но что-то же заставило тебя запрыгнуть в мою машину? Это судьба. Я помогу тебе, а ты поможешь мне.

– Чем я могу вам помочь?

Если ты чиста... Если все срастется и ты не сдрейфишь, то помогу заработать приличную сумму и забыть обо мне, как и о своей прежней жизни.

– Домой приедем. Примешь душ или ванну, а за ужином все обсудим, – сажаю ее на место, пристегиваю.

Мы в тишине доезжаем до дома. Однако всю дорогу мой внутренний голос завывал благим матом на меня.

Я не должен...

Не должен.
Нет! ДОЛЖЕН!
Это знак...

3. В логове у "монстров", или То самое предложение

– Проходи, располагайся. Постарайся чувствовать себя как дома.

Включаю верхний свет в холле и широким жестом приглашаю Свету в свое "логово".

А по ней видно, что как дома ну никак не получится.

– С-с-спасибо, – кивает она, переступая порог.

Шагает вдоль коридора точно как по заминированному полю. Каждый последующий шаг тяжелее становится, еще короче.

Три. Каких-то три шага она сделала. На большее ее не хватает.

Как-то диковато наблюдать за тем, как девчонка трясется, руками себя обнимает, закрывается от меня ими.

Подвоха что ли какого-то ждет?

Света сканирует взглядом все, что видит перед собой. Заглядывает в щель чуть приоткрытой двери в гардеробную: рассматривает там обувь и одежду.

Таким образом она желает удостовериться, что здесь помимо меня больше никто не живет.

Она ошиблась с поспешными выводами. В стенах этого дома обитает как минимум еще один монстр.

– У вас такой большой дом. И... красивый, – бормочет она. – Наверное, вы всю душу в него вложили, когда строили его.

– Нет. Только деньги, – краток я.

Душу я вложил в другое. А вот куда именно я ее вложил, знают только я и дьявол, которому я ее продал.

Света продвигается дальше. Изумленный взгляд цепляется за шкуру убитого медведя, распятого на стене. Она цепенеет на секунду. Сглатывает судорожно, словно в ее светлой головке промелькнула мысль, что на месте медведя запросто может оказаться она сама.

Она боится. И мне это даже нравится.

Но не комментирую никак. Пусть освоится для начала.

Однако Света снова на моих глазах превращается в соляной столб, реагируя на приближающиеся звуки легкого клцанья когтей по мраморному полу.

Позади нас раздается приветственный лай того самого монстра, после чего мокрый нос моей псины со всего разбега на радостях утыкается точно мне в зад.

Хороший выход! Лучше и не придумаешь!

Света взвизгивает и отшатывается назад.

Черный монстр лижет мне руки, не обращая никакого внимания на постороннего в доме.

– Фу! Рядом! – рявкаю я.

Псина засовывает язык в пасть и встает у ноги в ожидании следующей команды.

Через плечо недобро смотрю на нее. Она извиняюще скулит, передней лапой морду свою закрывает.

Стыдно стало за выходку с моим задом.

– Она тебя не тронет. Погладь ее, если хочешь. Дай ей себя обнюхать.

– Т-т-точно не укусит?

– Пока я не прикажу, не укусит, – машинально слетает с языка.

Ну как есть.

Несмотря на свою мускулатуру и дьявольский внешний вид, она у меня крайне дружелюбна. Но может и разорвать в два счета, если ситуация того потребует.

Света на корточках присаживается смело и касается холки. Собака обнюхивает ее всю с ног до головы. Чихает, слюни разбрасывая по полу.

Тут я с ней соглашусь. Могло бы пахнуть и получше.

Света похихикивает, не принимая собачий чих на свой счет.

– Какая ты красивая девочка, какая блестящая шерсть у тебя, – Света так и напрашивается оказаться по уши в слюнях.

Так и выходит.

Собака принимает ее комплименты за вызов. Она высовывает свой розовый язык и беспардонно лезет к Свете целоваться.

Момент знакомства пройден. А это значит, Свете больше некого бояться в этом доме, за исключением моих скромных желаний.

– А как ее зовут? Я правильно понимаю, это же доберман?

– Правильно. Ее зовут Хеннесси.

Псина уши сразу наострит, смотря на меня снизу вверх. Беру ее за ошейник, к ноге притягиваю, чтобы увести.

Хватит на сегодня знакомств.

– Хеннесси? Это в честь...

– Верно. В такие моменты, когда мне хочется нажраться, ко мне на выручку приходит Хеннесси.

– Хм, забавно.

– Рационально, – поправляю я, направляясь вглубь дома.

Завожу собаку в комнату, как бывает только тогда, когда ко мне приходят посторонние.

Проверяю все ли на месте: жарка вроде есть, вода – тоже. Развлечения поди уж найдет себе.

Запираю дверь и возвращаюсь в холл.

Света за это время продвинулась на полметра и даже обувь успела снять.

Прогресс.

Делаю вид, что не замечаю ее дырявые носки с разных пар. Беру ее за руку и без всяких экскурсий веду в гостевую ванную, расположенную за лестницей на первом этаже.

Свет включаю и заволакиваю девчонку внутрь.

– Полотенце, халат, тапочки, – поочередно указываю, разворачиваюсь на пятках. – Душ, шампунь, мочалка. Пользуйся всем, не стесняйся.

Выхожу и прикрываю дверь за собой. Стою напротив неё в ожидании, что после меня она закроется на замок.

Не закрывается.

Жду еще пару минут.

Душ включается. Струи воды с характерным звуком начинают хлестать по ее телу, а дверь по-прежнему незаперта изнутри.

Можно ли это расценивать как приглашение войти?

Неожиданный поворот...

Совести у меня отродясь не было. А уж что говорить о каких-то там рамках приличия?

В результате мысленно провожу эти гребаные рамки и буквально вынуждаю себя отойти от двери, стараясь забыть о том, что она незаперта.

Все мое время, Молот.

Первым делом вхожу в гостиную и разжигаю камин, чтобы как только Света выйдет из душа, спалить ее одежду к чертовой выдре.

А дальше уже иду в кухню, провожу ревизию в холодильнике в поисках нормальной жратвы. Накрываю на стол и настраиваю себя на серьезный разговор, ожидая свою чистую "замарашку".

Что-то подсказывает, детали этого разговора Свету могут как заинтриговать, так и отпугнуть.

– Ау, Назар, вы где?

Наконец-то раздается ее звонкий голосок, сравнимый с перезвоном колокольчиков.

Где-то вдалеке. Заплутала в моем лабиринте.

А я не откликаюсь. Притаившись, нарочно молчу.

Пускай еще разок позовет меня по имени. Нравится мне как оно звучит из ее уст. Так ласково, нежно. словно призыв прекрасной Сирены.

Мда. Совсем уже одичал.

– Назар? Куда вы подевались?

Эхо совсем уже близко. Шаги босых ног, скользящих по мрамору, тоже приближаются.

Еще каких-то пару секунд и светлая голова Светы высовывается из-за угла.

– А, вот вы где! – лучисто улыбается милейшее создание, туго перевязывая себя поясом халата. – А я вас по всему дому ищу. Вы чего не отвечали мне? Я вас звала-звала.

А она повеселела. Похорошела. Кожа зарумянилась после горячего душа. Глаза заискрились серебром.

Света скинула с себя грязные шмотки, отмылась как следует и прям как заново родилась. Переродилась из болотной кикиморы в диковатую лесную нимфу.

Любо дорого смотреть на нее.

И та ледяная глыба, что находится у меня под ребрами, чуть подтаяла при виде ее неподдельной радости.

Вроде бы ничего такого не сделал, а на душе малость теплее стало.

– Налетай, – киваю я на стул, выдвигаю его из-за накрытого стола, возомнив себя джентльменом. – Увы, горячего в доме ничего не было. Только закуски, оставшиеся со вчерашнего. Так что выбор невелик.

Света бабочкой порхает ко мне. Проскальзывает между мной и столом, присаживается за него. Я люблюсь ею, пока она голодными глазами разглядывает еду на тарелках.

Как же она все-таки хороша. Невинна и чиста и в то же время женственна и обольстительна.

Мне не дает покоя мысль о том, что под моим халатом на ней ничего нет. И мне теперь не терпится узнать что под ним скрывается. Проверить настолько ли гладка и упруга ее кожа, как кажется. Насколько ли идеально тело, как рисует мне фантазия.

– А у вас вчера был какой-то праздник? – призадумавшись, интересуется она.

Зажав пальцами переносицу, прогоняю из головы ее обнаженный образ.

– Нет, почему?

– В моем понимании суши, краба и тарталетки с икрой едят только по праздникам.

Я невольно испускаю смешок, на что Света заливается краской. Вся от пяток до корней волос. Стыдливый взгляд от меня прячет.

– Я что-то не то сказала? – лепечет она, повесив нос.

Какой же я все-таки болван.

Ну куда ты лезешь со своей жизнью на широкую ногу?

Девахе суп нужен был пожирнее, понаваристей, а ты ей краба суешь, да китайские палочки кладешь вместо столовых приборов.

Опомнившись, выдвигаю ящик кухонного гарнитура, откуда достаю вилку.

– Ешь, пока не заветрилось, – кладу прибор на стол рядом с ней. – Будем считать, что у нас сегодня праздник!

– И какой же у нас сегодня праздник? – поднимает голову на меня и пушистыми ресницами трепещет так быстро.

Хмурюсь вдруг.

Уж больно она разговорчива. Этот факт стал меня несколько напрягать.

Не люблю, когда разговаривают не по существу. А к, так называемому, существу мы сможем подобраться только, когда она вдоволь насытится.

Не хочется портить ей аппетит этим "существом".

– День, когда твоя жизнь изменится к лучшему, – отвечаю я, подавляя внутреннее раздражение.

– А ваша тоже изменится?

– И моя тоже. Ешь! – на сей раз приказываю и только тогда Света замолкает и принимается за еду.

Чтобы не стоять над душой, я отхожу к кухонному островку и оттуда наблюдаю за тем, как Света трескает за обе щеки.

Аппетит у нее зверский. Такой только у нее и у Хеннеси.

Со временем начинаю задаваться вопросом, как в такую маленькую столько всего помещается.

Выглядит она чуть диковатой, но при всем при этом ест довольно аккуратно.

К слову, к вилке она так и не притронулась.

Зачем ей вилка, если Света умело пользуется китайскими палочками, отправляя в рот огромные куски риса, начиненные всякой ерундой.

Морщусь. Ненавижу суши. А она же уплетает за милую душу и еще забавно причмокивает при этом.

Закончив с японской кухней, Света приступает к разделыванию дальневосточного краба. Глотает огромные куски натурального мяса, мычит. Пальцы свои облизывает и глаза прикрывает, словно испытала запретное удовольствие.

Неплохо. Такой реакции на крабовое мясо я прежде еще не видел.

Света ставит финальную точку трапезы на тарталетке с икрой.

Она принюхивается к ней, высовывает кончик языка. Стрельнув своими глазами в меня, соблазнительно слизывает икринки с верхушки. Держит во рту, рассасывает зерна.

И подобным образом она проделывает с каждой: лижет, держит во рту, рассасывает. Взглядом меня находит. Лижет, держит, рассасывает...

В области груди запершило. Оттуда зверь наружу просится. Тот, что обычно привык брать без спроса и ни о чем не сожалеть. Снова брать, утолять свой голод и не думать ни о чем.

Ох уж, этот язычок... Да я бы его...

Фантазия моя включает боеспособный режим и пририсовывает к ее розоватому языку то, чего на самом деле нет.

Нет и быть не может.

Не в этом доме. Не с ней...

Да закажи ты себе уже бабу!

Тем не менее все мое нутро становится на дыбы, игнорируя идею с продажными женщинами. Оно настойчиво посылает мозгу сигнал о немедленном распятии обольстительного объекта на кухонном столе.

Одуреть.

Столько разных женщин за всю свою жизнь перебрал, а такого непорочного совершенства в своей постели не припомню даже.

Кажется, я влип по-крупному. Сдерживать своего зверя внутри рядом с ней мне будет крайне сложно.

Ну, все. Хватит уже.

А то ведь такими темпами Света и до связки бананов доберется. Очистит его от кожуры, в рот положит, а там и с цепи сорваться недолго.

Ладно. Задобрил, а теперь можно смело и к делу приступать.

Передернув плечами, я скидываю с себя морок. Как только кровь отливает от стратегических мест, я выдвигаю стул, ставлю его спинкой вперед и присаживаюсь напротив нее.

Свете неловко сразу становится. Она кладет надкусанную тарталетку в тарелку, руки под столом прячет.

– Наелась? – спрашиваю, заглядывая в глаза.

Она кивает, вытирает ладонью свой рот от крошек.

– Да, большое спасибо.

– Вкусно было?

– Очень. Вы просто не представляете, как...

– Хочешь, чтоб так было всегда? – несмотря на то, что мне нравится ее голосок, я перебиваю ее. – Не только по части еды. Хочешь, чтобы в целом жизнь стала вкусной и разнообразной?

Она моргает недоуменно.

– А кто же не хочет?

– Я нисколько не сомневался в твоем ответе. В таком случае у меня к тебе имеется весьма выгодное предложение, – выставляю руку вперед, не давая ей вставить свое слово. Вижу, что уже насторожена. – Предупреждаю: второго такого шанса у тебя не будет, поэтому советую хорошенько все взвесить. Подумай, как может измениться твоя жизнь, если ты примешь мое предложение.

– Х-хорошо. И что же вы хотите мне предложить? – спрашивает тихо, почти беззвучно и не мигает совсем.

Тут главное не спугнуть раньше времени.

А как не спугнуть того, кто всего вокруг боится?

Но, помнится мне, девочка она наивная. За две тысячи едва свободы не лишилась.

А мое же предложение кардинальным образом отличается от предыдущего. За сдельную работу на кону огромные деньги. Ставка в четыре тысячи раз больше, чем ей предлагали в наркопритоне.

– Свет, ответь, а у тебя мужчины уже были? – захожу издалека.

В первую очередь мне нужно удостовериться, что прекрасный цветок уже был ранее "опылен", иначе разговор потеряет смысл.

Света смотрит на меня в упор и молчит.

– Так ты девственница, да? – уточняю, принимая молчание за нежелание признаваться в своей неопытности. – Просто ответь. В этом ведь нет ничего постыдного...

Осмелев, она перебивает меня:

– Мужчина! – восклицает она, делая выразительный акцент на окончании. – Один мужчина и все!

Что ж, я рад, но довольную улыбку приходится подавлять, потому что самой Свете этот факт, как мне кажется, немного омрачает.

В душе она презирует того мужчину, что сотворил это с ней. Из-за него ненавидит себя... Ту, которой она стала после него.

Она считает себя грязной, использованной, выброшенной.

– А дети у тебя есть?

Вижу реакцию, но не ту, что ожидал. Света начинает мешкать. Глаза на мокром месте. Зрачки бегают из стороны в сторону, кожа на лице сереет, а над верхней губой проглядывается испарина. Нервничает молодуха знатно от обычного на мой взгляд вопроса.

– Так есть или нет? – давлю.

– Нет, – выдыхает, мотнув головой. – Нет у меня детей.

– А хочешь?

Внезапно Света заходится слезами.

– Хочу! – выпаливает она. – Хочу очень! Хочу своих деток! Хочу увидеть их, на руках подержать. Хочу узнать как они пахнут. Хочу услышать их смех! Хочу! Я всего этого хочу, Назар.

Напрягаюсь всем телом до состояния взведенного курка.

Не успели подойти к сути, как проблема нарисовалась.

Она не должна хотеть детей. Не должна привязываться к тому, что будет расти у нее в животе.

– А зачем вы спрашиваете? – хлюпнув, с надеждой вглядывается, а меня жалость к ней снова понимает.

Отставить жалость и прочие сопливые эмоции!

– Завтра отправлю тебя в клинику на обследование. Если твое здоровье позволяет, то в ближайшее время заключим контракт суррогатного материнства! – безапелляционно заявляю и продолжаю давить: – Свет, ты в невыгодном положении. Тебе нужны деньги и стабильность, а мне нужен здоровый ребенок! Ты родишь мне его, а я взамен устрою тебе лучшую жизнь. Ты выберешься из нищеты и получишь независимость.

Света пребывает в шоке. Внешне она превратилась в бледное изваяние: не двигается, не моргает, не дышит. Лишь слеза, удерживающаяся на кончиках ресниц, выдает в ней жизнь.

Я руки складываю на спинке стула, устремляю взгляд на циферблат наручных часов. Даю ей время переварить сказанное мною и убедиться, что данное предложение станет для нее трамплином в счастливое будущее, где больше не будет темных полос.

Однако терпение – это то, чем я никогда не мог похвастаться.

Оно иссякает по прошествии двух молчаливых минут.

Возвращаю взгляд с часов на Свету.

– Итак, озвучь свое решение, – требую я. – Ты выберешь два миллиона плюс бонусы в виде проживания в моем доме, еды на любой вкус и брендовых шмоток или предпочтешь скитаться по улицам в обносках и перебиваться куском заплесневелого хлеба?

– Мне... я могу подумать? – пищит она как мышка, смотря сквозь меня.

– Сожалею, но время на раздумья вышло, – наваливаю грудью на край стола, силой мысли заставляю сделать правильный выбор. – Мне нужен ответ. Незамедлительно!

Света не выдерживает прессинга и ударяется в слезы.

А я такое вот вообще не терплю. Матерись, ори, протестуй сколько угодно, но только нюни не распускай.

Выдергиваю из подставки горстку салфеток. Тянусь к Свете через весь стол и подчищаю за слезами мокрые следы, чтоб глаза мои их больше не видели.

Внезапно она руку мою отпихивает от себя. С остервенением. С сидевшим внутри нее протестом. Света осмеливается показать мне свои зубки.

Характер свой проявляет не к месту.

Но все же он у нее имеется. И это я считаю хорошим знаком.

Пора бы ей уже завязывать быть бесхребетным существом.

– Получается, это было вами спланировано? – ревет она с осуждением, сжимает ладони в кулаки от приступа злости. – Вы увидели во мне жертву и загнали в ловушку с суррогатным материнством, да? А как же те слова о том, что вы не обидите меня больше!?

Больше? Разве я хоть раз позволил себе что-то лишнего? Не посмел бы...

На мой взгляд все, что я делаю для нее сейчас, должно пойти ей на пользу.

Я не обижаю тех, кого обижает жизнь. Я даю ей шанс, который может оказаться последним.

– Я тебя никогда и ни в чем не ущемлю, если ты выполнишь мою просьбу. Ты будешь под моей защитой все то время, пока будешь носить моего ребенка.

– А потом? – всплескивает она руками. – Потом вы как обычно вышвырнете меня!?

Как обычно? Да что она несет?

Монстра из меня какого-то делает.

– Как только контракт будет исполнен, ты сама от меня уйдешь! – понижаю голос. – Ну так что? Вердикт!

Ее буквально терзают сомнения. Пожирают по кусочкам.

Ей больно, неприятно, стыдно. Но это пустяки в сравнении с тем, через что ей приходилось проходить раньше.

Света распрямляет плечи и тогда я наблюдаю в ее взгляде то, чего никак не ожидал увидеть в столь короткий срок – гордость.

В ней проснулась чертова гордость.

Безусловно, в каких-то моментах она приходит на выручку, но в данном случае гордость может стать камнем преткновения. Она может лишить ее последнего шанса.

– Я согласна! – этот уверенный вердикт убеждает меня, что и против гордости можно пойти. – Я принимаю ваши условия. Я стану суррогатной матерью!

Я награждаю ее одобрительным взглядом, поднимаюсь из-за стола и протягиваю ей свою ладонь.

Хватит мучить девчонку. Сейчас ей как никогда требуется спокойствие.

– Раз так, то пойдем, я провожу тебя в комнату, в которой ты будешь жить.

Ни секунды не раздумывая, Света вкладывает свою руку в мою ладонь и я крепко сжимаю ее.

Теперь ты станешь моей самой острой фантазией...

Лишь фантазией...

4. Костыль

Поначалу я думал, что Света сбежит от меня при первой же возможности. Я даже не стал вытаскивать ключи из замочной скважины входной двери, чтобы не усложнять ей побег.

Я погасил во всем доме свет, лег в постель и всю ночь прислушивался к звукам, исходящим из соседней спальни, в которой она обустроилась. А никаких звуков я так и не услышал. Ни единого.

Так и уснул, держа в уме мысль, что я ей тоже нужен.

Она умная девочка. Правда, в силу своей неопытности порой совершает глупые поступки, но она далеко не глупая.

Поутру я заглядываю в ее комнату. Она спит беспробудным сном, зажав пуховое одеяло между ног. Так сладко, что не осмеливаюсь будить.

Я пишу записку и оставляю ее томиться на соседней подушке.

Наказываю Хеннесси охранять нашу гостью, а сам отправляюсь исправить кое-какое недоразумение.

При подъезде к нужному дому я иду на таран, не сбавляя скорости. Поддав газку, машина бампером сносит и без того держащийся на честном слове забор. Он разлетается в щепки. Резко давлую по тормозам и паркуюсь на участке, заваленном всяким хламом, пустыми пивными банками и окурками.

Выхожу из машины, пока кипишь в доме не поднялся. В этот момент на веранде показывается перекошенная в испуге морда "Костыля".

– Пацаны, шухер! Рвите задницы, Молот нагрязнул! – орет он дурниной, после чего из дома как тараканы повылазили наркоманы и, шевеля "усами", рассредоточились по углам кто куда.

Мне плевать на остальных. Костыль тут всем заправляет. С него и спрос будет.

Он понимает масштаб надвигающейся на него проблемы и удрать от меня пытается через соседний участок. По усаженному у себя за домом коноплянному полю бежит, несмотря на хромоту. Оглядывается на меня из-за плеча, запинаясь, падает и вновь поднимается. А я преследую его. Позволяю себе идти прогулочным шагом за ним, наблюдая за его предсмертными судорогами. Мой один такой шаг, как его пять.

Я кулаки разминаю. Суставы хрустят, как захрустит его челюсть, когда он будет доставать из своей вонючей пасти последние зубы.

Никуда ведь не убежит от меня. Соппротивление бесполезно.

– Молот, я ничего не делал. Клянусь, я чист как невинная принцесса на горошине! – в панике задыхается он.

Костыль в защитной реакции выставляет на меня руку, в которой не хватает развивающегося белого флага. Он скачет как кузнечик по грядкам, после чего рогом упирается в соседский забор. А он уже не такой хлипкий будет. Не перелезешь, не сломаешь, не пройдешь.

– Молот, я правда завязал со всем. Зуб на мясо даю!

Хнычет он словно девчонка, ногу пытается перебросить через забор, да вот только ростом не удался.

Угнетает он меня.

Минимизирую расстояние между нами. Накрывая его своей тенью, встаю напротив него. Стиснутый кулак выставляю на передовой фланг в знак не совсем добрых намерений.

– Паспорт девчонки у тебя? – цежу я пока что по-доброму.

– Нет. У меня ничего нет! – тарачит на меня свои честные-пречестные глаза.

– А если найду? – оскалившись, предоставляю возможность подумать и не рыть себе могилу.

Я делаю обманный замах рукой, которой всего-навсего прохожусь по своим волосам на виске, а Костыль же голову в плечи втягивает, руками от меня закрывается. Вот-вот обоссется. Барыга всерьез решил, что данный жест – это последнее, что он увидит в своей жизни.

– Какой еще девчонки? Наезд без повода! – лепечет он, лязгая зубами. – Говорю же, ничего у меня нет!

Достало.

Рыкнув, хватаю его за шкурку и дергаю взад-вперед.

Орет, пасть раскрыв. В ноздри ударяет вонь перегара и гнили.

Руки марать об него не хочется, но все же придется.

– Хочешь, чтобы я тебе и вторую ногу ампутировал? – беру на понт.

Считаю такой метод эффективным, а уж если он не поможет, то в ход можно пустить мою полюбившуюся расчлененку.

Схватив Костыля за горло, я волоку его по земле. Тот противно визжит, за кусты цепляется.

На кадык давлю со своей силы, и тишина наступает. Моя крепко сжатая ладонь на его глотке не позволяет ему ни звука издать, кроме хрипов.

Я пинаю по калитке и вхожу в полуразрушенный сарай. По сторонам осматриваюсь в поисках того, что сможет восстановить ему память и разговорить. Ржавая пила как раз на глаза попадает. Беру ее за рукоять, несмотря на то что такой даже куриный окорок не разделать. Тупая, как моя бывшая.

– Ты ведь помнишь причину, по которой у тебя вместо левой стопы протез? – включаю свои кровожадные инстинкты и присаживаюсь на корточки возле него. – Моя псина тоже помнит! Полюбилась ей человечина с тех времен. Она ждет не дождется, когда полакомится твоей правой! Поделишься же? Не оставишь ее без лакомства?

Костыля такими темпами удар скоро хватит. Он до смерти напуган: весь трясется, слюни-сопли распустил, плачет, стонет, мамочку зовет на помощь.

– Прошу, не надо ногу! – умоляет он, я хватаю его за щиколотку и мысленно делаю разметку, надавив зубьями пилы на голень. – Только не ногу! Не надо! Я же не смогу больше ходить!

По голень – слишком мало на мой профессиональный взгляд. Тогда я беру выше. Нацеливаюсь убрать всю длину, до самого паха. На зоне она ему все равно не понадобится.

Краем глаза вижу как соседи, жаждущие хлеба и зрелищ, высунулись из своих лачуг. Не вмешиваются в разборки. Им только на руку, если я избавлю их от такого соседкишки.

– Все-все! Молот, я, кажется, вспомнил о какой ты девчонке! – гундосит он, сопли пузырями. Но я все равно надавливаю на рукоять и вонзаюсь зубьями в его кожу через трико. – А-а-а! Больно! Да забыл я о ней! Отвечаю, я не хотел ничего скрывать от тебя! Ты же знаешь как я к тебе отношусь! Вся братва уважает тебя!

– Ровно через минуту паспорт должен быть у меня в руках, – угрожаю я. – Тогда и посмотрим, как ты уважаешь меня. А если его не будет... – подношу пилу к его переломанному носу, он глаза на нее скашивает и бздит.

– Будет, Молот! Сейчас все будет! – стелится он, бодренько встает с земли и семенит в сторону дома как на своих двоих.

Швыряю пилу в заросли и шагаю вслед за ним, откланиваясь соседям.

Если Костыль шутить со мной вздумает – сотру в порошок на глазах этих людей, не колеблясь.

Ровно через минуту паспорт находится уже у меня в руках.

Не соврал, гаденыш.

Раскрываю его на развороте с фото: Красавина Светлана Александровна и фотография ее.

За шесть лет она практически не изменилась: кожа да кости, глаза такие же огромные на пол лица, но прежде в них присутствовал озорной блеск, а теперь в них в основном превосходит страх и отчаяние.

– А теперь слушай меня сюда, Костыль, – возвращаю его внимание на себя, спрятав паспорт в задний карман джинсов. – Если еще раз я услышу от кого-либо, что ты "банчишь" наркотой, так просто ты от меня не отделаешься. По одному я истреблю всю твою братву, а потом и до тебя доберусь. Ты хорошо меня понял?

Костыль в шоке, но сейчас он на все согласен. Он готов лизать мою задницу, лишь бы я больше не переступал порог его конуры.

– Конечно. Как скажешь. Мне дважды повторять не нужно.

– И убери с участка всю дурь! Сожги ее! Через неделю приеду с проверкой!

– Сделаю! Все сделаю, – довольно кивает, шагает ко мне и протягивает свою ладонь для рукопожатия.

Сжимаю свой кулак, смачно харкаю на него и со всего маха заряжаю Костылю мощный удар в морду, отчего тот в полубморочном состоянии ничком валится на крыльцо.

– Это тебе в качестве профилактики! Сладких снов! – злостно бросаю, сажусь в машину и под изумленные взгляды прохожих выезжаю задним ходом со двора.

По пути к дому я нахожу в телефоне контакт своего старого приятеля, нажимаю на него и включаю громкую связь.

– Молот, братишка, вот отвечаю, только о тебе вспомнил и ты тут как тут, – гогочет он в трубку.

– Не понял, Борзов. Это ты сейчас нарываешься?

– Нет, что ты? Просто дело есть. Сам хотел набрать тебе на обеде, а ты опередил меня.

– Ясно, – мычу, кошусь на паспорт Светы. – Я сейчас скину тебе данные, сможешь пробить человека по ним?

– Без проблем. А кто это? Твой очередной должник?

– Можно и так сказать, – коротко отвечаю, не вдаваясь в подробности.

– Тогда высылай. Ближе к обеду отправлю тебе всю инфу по человеку, там и поговорим.

– Отлично! До связи, брат, – сбрасываю.

Через пару километров я останавливаюсь на подземной парковке торгового центра, делаю пару снимков паспорта и высылаю их Борзову.

Надо быть получше узнать, с кем дело имею. Лишним точно не будет.

5. Тревожный звонок, или История Золушки

Света

Продрав глаза, первым делом я улыбаюсь доброму утру.

Оно действительно сегодня хорошее, потому что меня впервые за долгие дни не мучает вопрос: что мне предстоит сделать сегодня, чтобы наступило завтра.

Сейчас меня мучает другой вопрос: с чего лучше начать разговор, чтобы после того, как я приняла предложение Назара, он не прогнал меня и не обозвал обманщицей.

Я потягиваюсь. Переваливаюсь набок. Там, на соседней подушке, замечаю листок бумаги. Это записка от него, а в ней всего пять слов: *"Скоро вернусь. Никуда не уходи"*.

А я и не собиралась уходить.

Как я могу уйти, если наконец смогла почувствовать внутри затеплившуюся надежду?

Мои молитвы услышали и судьба извилистыми тропками привела меня к Назару. К человеку, с которым меня связывает не только вчерашнее спасение от охраны супермаркета. Нас связывает нечто большее.

Как же мне все-таки повезло его встретить. Больше года у меня ушло на его поиски. Уже и не надеялась отыскать.

А найдя, испугалась его грозного вида.

Сочетание богатырского телосложения, мужественного лица со шрамом на скуле и холодных голубых глаз в первые минуты не столько гарантировало мне защиту, сколько нагоняло ужаса.

Но, как оказалось, за всей этой внешней суровостью прячется доброе сердце.

Я до последнего сомневалась, что это именно тот мужчина, который стал моим первым и единственным.

Из того дня я мало чего помню.

Однако стоило мне увидеть его собаку, как все сомнения ушли. Этого добермана с розами на ошейнике я помню отчетливо.

Помню также как оплаченное Назаром время подошло к концу. Я оделась, забрала чаевые и поспешила сбежать из этого дома. Прыгнуть в машину, ожидающую меня у ворот, уехать домой и навсегда забыть об этой ночи. О том, что меня использовали как какую-то дешевку.

Помню, в глазах двоилось. Меня шатало из стороны в сторону. Уже у входной двери я потеряла равновесие и упала. Тогда-то собака и появилась. Она облизывала мои руки и лицо, пыталась помочь мне подняться, а я замороженно смотрела на нее.

Я люблю собак, но черный доберман с детства был моей мечтой.

Как я и сказала, детали той ночи я практически не помнила. Не помнила и лица того мужчины. Только сам факт. Но вот его доберман навсегда остался в моей памяти.

Из-за собаки я и признала Назара. Только благодаря этому я не предпринимала попыток убежать.

Я посчитала его своим единственным спасением. Не только для себя, но и для моих сыновей. Для наших с Назаром сыновей.

Изначально я подумала, что он узнал меня, поэтому и предложил мне помощь. Но с каждым заданным мне вопросом надежда на то, что он вспомнит меня, отпадала.

Я непохожа на ту, что приходила к нему ровно два года назад. Над моей внешностью хорошенько потрудились, так как заказчик предпочитал видеть в своей постели темноглазых брюнеток.

С наращенными волосами и в линзах я была непохожа на себя.

Вряд ли Назар поверит мне на слово, если я решусь пролить свет на проблему, которая и его касается.

Решусь ли?

Если решусь, то необходимость становиться суррогатной матерью отпадет.

Да, я согласилась на это. Однако к такому я не готова ни морально, ни физически.

Искренне надеюсь, что до этого не дойдет.

Даю себе обещание, что в ближайшее время я найду в себе силы и достаточно храбрости, чтобы признаться Назару во всем.

Выхожу из комнаты, спускаюсь на первый этаж.

В гостиной меня встречает Хеннесси, держа в зубах игрушечную косточку.

Девочка хочет поиграть со мной.

– Ну хоть ты узнала меня и то уже хорошо. – Почесываю ее за ухом, вытаскиваю из пасти игрушку и бросаю в сторону.

Хеннесси за игрушкой не кидается. Сидит у моих ног и глаз с меня не спускает, как будто охраняет.

Я пячусь назад и она за мной. Делаю еще два шага и она от меня не отстает. Совершив еще один шаг назад, я врезаюсь в журнальный столик.

С края что-то падает. Наклонившись, я поднимаю с пола трубку домашнего телефона. Провожу пальцами по выпуклым кнопкам. Задумываюсь.

Обратно трубку не кладу.

Внезапно меня посетила безумная мысль. Настолько безумная, что коленки начинают дрожать и дыхание спирает.

Присаживаюсь на край дивана. Хеннесси кладет свою мордочку на мои колени и жалобно смотрит то на меня, то на телефон в руке.

– Думаешь, это плохая идея?

В подтверждение она скулит. Хеннесси словно чувствует мою внутреннюю тревогу.

– Я тоже не уверена, но а вдруг?

По памяти я набираю семизначный номер.

Длинные гудки разрезают тишину и заглушают мое гулкое сердцебиение, прошибающее ребра дробью.

– Слушаю, говорите! – надменно произносит женщина. – Алло, не молчите!

Меня парализовало на миг. А я ведь просто хотела услышать голос мамы на автоответчике.

Сознание перебрасывает в прошлое. За каких-то пару секунд я вновь ощущаю на себе все то, что пережила за два минувших года.

Мне было больно. Тяжело. Одиноко.

Но сейчас мне гораздо легче. Со мной Хеннесси.

– Наталья, это я, – отзываюсь я скрипуче.

Пауза. Громко дышат в трубку. Чувствую как лицо начинает полыхать. В груди горит и сердце снова ноет.

– Не смей сюда звонить больше, мерзавка! Ты поняла меня?! – цедит она, проникая в меня роем жалящих пчел. – Исчезни уже! Сдохни!

Сбрасывает. Короткие гудки врезаются в сознание.

Дрожащими руками ставлю телефон на базу, после чего воспоминания накрывают меня ударной волной.

На меня накатывают слезы. Они разъедают мою кожу, выжигают ее.

Я вновь переживаю тот страх. Те муки отчаяния, когда узнала, что больше никогда не смогу увидеть своих детей.

Я хотела бы вспомнить их... Но как вспомнить тех, кого не видела ни разу? Кого не могу назвать по имени...

Я не успела дать им имен... Лишь прозвища.

Пока они росли во мне я ласково называла их своими "капельками счастья".

А теперь нет у меня счастья. Ничего не осталось.

Со стороны холла доносится посторонний шум. Верхний свет включается.

Хенесси навострит уши. Убирает мордашу с моих коленей и что есть лап несется в сторону источника звука.

Если Назар увидит меня здесь всю в слезах, скорее всего, последуют вопросы. А я хочу обойтись без допроса. Хочу сама рассказать все от начала и до самого конца.

Я прохожусь ладонями по лицу, утираю следы минутного отчаяния и успеваю подняться с дивана прежде, чем Назар появляется в гостиной.

Сегодня он уже не кажется мне таким грозным, как вчера. Наверное, за сутки я успела привыкнуть к его внешнему виду.

Я нахожу его привлекательным. Чертовски привлекательным.

Он сильный и высокий как могучий титан. У Назара ярко выраженная челюсть и массивная шея, переходящая в широкие плечи. Небольшая щетина и короткая стрижка, придающая его внешнего виду невозмутимую серьезность. А самая яркая и бросающаяся в глаза черта, как по мне – соблазнительная ямочка на подбородке, визуальное сглаживающая его шрам и усиливающая привлекательность этого мужчины.

От него исходит мощнейшая энергетика. Сбивающая с ног.

Он зверь. Прирожденный хищник.

И волчьи голубые глаза с чрезмерно большой радужкой видят меня насквозь или даже больше. Видят все мои страхи, нутро, всю душу.

Однако именно сегодня под этими рентгеновскими лучами его глаз я не ощущаю себя так, как будто меня рассматривают через окуляры микроскопа.

Сегодня его глаза излучают тепло. Каждая клеточка моего тела наполняется теплотой, пока он стоит в проходе и смотрит на меня.

Мне порой так не хватало этого. Банального человеческого тепла.

– А, проснулась уже, – завязывает диалог рокошущим басом, глядя на меня, пляшущую на него безо всякого стыда.

Смаргиваю с глаз пелену задумчивости и киваю.

– Ага.

С пятки на носок перекачиваюсь.

Неловко, что он застал меня в гостиной.

Я точно не знаю, разрешается ли мне выходить из комнаты, когда в доме нет никого, кроме собаки, которая в настоящий момент вьется вокруг своего хозяина и напрашивается на ласки. А хозяин тем временем безжалостно игнорирует ее.

– Завтракала?

– Нет еще.

Нахмутив брови, Назар поглядывает на свои наручные часы.

– Тогда идем обедать! – звучит не как приглашение на обед, а как призыв к расстрелу.

К его командирскому, ледящему тону еще необходимо привыкнуть.

– Сейчас, только отлучусь ненадолго в ванную.

Через минут десять вхожу в кухню, принимаюся к изумительному аромату запеченой картошечки и тушеного мяса с овощами, аккуратно разложенных по тарелкам. Выглядит аппетитно. Как шедевр искусства – кусочек к кусочку, словно этим занимался какой-нибудь знаменитый кулинарный блогер.

В застывшей позе Назар восседает за столом. К еде не притрагивается. И тепло больше не излучают его глаза.

Неужели где-то накосячила?

Аж не по себе становится. Я ведь заставила его ждать.

Быстренько проскальзываю за стол, вооружаюсь вилкой и ножом, скрещиваю их, подняв над своей головой.

– Приятного аппетита! – получается театрально, как боевой клич.

Таким образом я надеялась разрядить обстановку и вызвать у Назара хотя бы подобие улыбки, но не вышло.

Угрюм, как старуха у разбитого корыта.

– Готовить умеешь? – интересуется Назар, вздевая на вилку кусочек мяса.

– Умела... когда-то. Не так вкусно, конечно, – неуверенно.

– Теперь у тебя будет уйма времени. Попрактикуешься недельку-другую, а там и доведешь свои умения до идеала, – намекает он на то, что я попала далеко не в санаторий.

Этого зверя мне нужно будет кормить до сыта, а ест он, как я погляжу, за троих.

Я нисколько не против. Мне будет приятно ухаживать за ним. Как-то иначе отплатить ему за помощь и проявленную ко мне доброту я больше ничем не смогу.

Доедаем мы в тишине. Разве что приборы изредка лязгают о керамику.

Стараюсь жевать как можно тише и проглатывать, чтобы лишний раз не напарываться на его взгляд исподлобья. Временами он смотрит на меня так, будто в чем-то подозревает.

Отобедав, Назар загружает посуду в посудомойку, я протираю стол. Как только он разворачивается, тогда мне становится ясно, почему его взгляд казался мне подозрительным.

– И кому ты звонила? – после заданного вопроса внутри ощущается колоссальное давление.

– Извините, что воспользовалась без спроса. В следующий раз я...

Назар обрывает меня на полуслове, приблизившись ко мне на расстояние вытянутой руки.

– Я разве сказал, что тебе запрещается пользоваться телефоном? Я всего лишь спросил "Кому. Ты. Звонила"?

Сглатываю вязкую слюну.

Вообще-то я не собираюсь лгать. Но на всякий случай отвожу в сторону глаза. Склонив голову, говорю как есть:

– Домой.

– Дом, в котором ты была прописана? – указательным пальцем поднимает мою голову за подбородок, прищуривается, выискивает что-то на дне моих глаз. Киваю неубедительно, пока он не добрался до содержимого души. – Что заставило тебя оттуда выписаться?

Я разеваю рот в изумлении.

Откуда он знает?

– Это довольно сложная история.

– Так и я не так прост. Рассказывай!

Вижу, что не отстанет.

Не тот он человек, чтобы не добраться до истины. Такие, как он, под кожу залезут, душу выпотрошат, но свое получают.

– Вам знакома история Золушки?

– Не увлекаюсь, – отрезает он.

Отходит от меня, присаживается на край стола и руки на могучей груди скрещивает.

– Начни с нее, если это так важно.

Дикость какая. Огромным бугаям я сказки еще никогда не пересказывала.

Прикусываю изнутри щеку, мысленно выстраиваю краткий сюжет, чтобы не утомить Назара.

Глубоко вдыхаю.

– История Золушки примечательная тем, что когда-то ее жизнь была идеальной. Ровно до тех пор, пока однажды не умерла ее матушка от болезни. Тогда в дом, где она проживала со своим отцом, переехала злая мачеха со своими противными отпрысками.

Я выдерживаю паузу, услышав как Назар недобро хмыкнул.

– Дальше, Света. Что было дальше? – непроизвольно оголяет он мои нервы.

Я зябко передергиваю плечами и через силу продолжаю:

– А дальше отец Золушки скончался, и ее жизнь превратилась в настоящий ад. Долгое время мачеха издевалась над ней. Она желала выжить ее из дома всеми возможными и невозможными способами.

– Так вот оно что, – бубнит под нос, вдумчиво почесывает свой подбородок, глядя в окно.

Выдыхаю из себя всю злость, всю ненависть, годами копившуюся во мне.

Прежде я никому не рассказывала свою историю. Пускай даже в виде проведенной параллели между мной и сказочным персонажем.

Как оказалось, так гораздо проще изливать свою душу. Не так больно, нежели чем углубляться в прошлое.

– Моя судьба точь-в-точь повторяет судьбу Золушки. С одной лишь разницей – моя история не закончилась хорошо.

– Помнится, в этой сказке фигурировал принц, а значит твоя история еще не окончена.

– Так вы обманули меня? Вы знали эту историю!

Назар хмурится еще больше, глаза стеклянными становятся. Словно он предался не совсем хорошим воспоминаниям.

– Нет у меня принца, – тяжело вздыхаю и жму плечами. – Только вы, Назар...

– И на каком основании тебя выжили из дома? – внезапно переводит он тему.

– Как-то по распоряжению мачехи к нам домой пришел нотариус. Общими усилиями меня заставили написать заявление об отказе от наследства в пользу другого. Вынудили взамен на...

Прикусываю язык до крови. Моментально впадаю в ступор из-за того, что едва ли не проболталась Назару.

Не так он должен узнать эту новость.

Для начала мне нужно заставить его вспомнить меня и ту ночь. А уж потом затрагивать разговор о ее последствиях.

Назар высверливает во мне дыру. Превращает мозг в труху одним своим тяжелым взглядом.

Давящим, колючим и пронизывающим до костей.

– На что? – грохочет его голос раскатом грома. – Что могло тебя волновать больше, чем отчий дом?

Мороз продирает кожу. Коркой инея покрывается все тело.

Он загнал меня в угол, чтобы клешнями вытащить всю правду.

Я руками обнимаю себя, чтобы согреться немножко.

Бесполезно.

Холод идет изнутри, из самого чрева. Острыми иголками распространяется по телу. Не дает вдохнуть. На горло будто наступили.

– Волновала дальнейшая судьба двоих людей, – дрожит голос, от злости и несправедливости его громкость набирает обороты: – Меня поставили перед выбором: либо они, либо наследство, оставленное отцом. Я без раздумий переписала все на мачеху, но даже здесь меня обманули. В итоге я лишилась всего. Моя мачеха бессердечная, а ее дети еще хуже, – последние слова я выкрикиваю надсадно, давлуюсь слезами.

Когда кажется, что вот-вот рухну на пол от бессилия, отказываюсь сжата сильными руками. Носом уткнувшись в стальную грудь Назара, я повисаю на нем и плачу. Рыдаю, что есть мочи, в кои-то веки ощущая себя нужной, услышанной, защищенной.

Грубые ладони Назара успокаивающе поглаживают мою спину. Касания такие приятные и уютные. Осторожные, словно он боится меня раздавить.

Я сквозь махровую ткань халата чувствую, какие у него горячие руки.

В его объятиях спокойно. Ни проблем нет, ни прошлого, ни воспоминаний. Момент поставлен на паузу.

Сердечко екает в груди, пульс скачет от тесной близости. Слезы высыхают на разгоряченной коже, а руки его по-прежнему гуляют по мне, к себе прижимают.

Задираю голову и встречаюсь с его волчьим взглядом. Зрачки бегают по моему полыхающему лицу.

Он хочет мне помочь. Оградить от всех бед. Я чувствую это. Не могу ошибаться.

– Познакомишь? – спрашивает с хрипотцой.

Моргаю. От непривычной нежности я потеряла нить разговора.

– С кем?

– Со своей злой мачехой, разумеется, –нисколько он не шутит.

Это заставляет напрячься.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– А ты больше не думай. За тебя теперь я думать буду, – весьма убедительно.

Назар выпускает меня из рук, достает из заднего кармана что-то.

– Кажется, ты кое-что потеряла, – улыбнувшись, передает мне паспорт с узнаваемой обложкой.

Восторгу моему нет предела!

Подскочив на месте, я вешаюсь Назару на шею. Визжу на радостях ему в ухо. Держать себя в руках не получается совсем. Эмоции переполняют меня, что кажется взорвусь.

Не сдержавшись, я вжимаюсь губами к его щетинистой щеке. Смачно чмокаю и только потом понимаю, что позволила себе лишнего.

Назар в удивлении вскидывает свои широкие брови. Я прочищаю горло от першения, заливаясь краской стыда.

– Извините... меня... Это случайно вышло.

Зрачки Назара вымещают всю голубизну его глаз, окрашиваясь в черный. Меня бросает в жар, оттого как он смотрит на меня в упор. Замышляет что-то.

– Извиняю, – произносит низким голосом, не моргая.

– Как... Как же вам удалось его вернуть? – скромно интересуюсь, отойдя на пару шагов от греха подальше.

– Подручными средствами...

Мне абсолютно ни о чем это не говорит. Надеюсь, эта фраза не таит в себе ничего криминального.

После такого эмоционального обеда мы разбредаемся по комнатам.

Лишь через полтора часа Назар навещает меня, войдя в спальню с огромными пакетами.

Ставит их на кровать у моих ног.

– Я тут тебе прикупил кое-какую одежду и обувь. Примерь, если не подойдет – поменяем.

В одном из пакетов лежат телефон с ноутбуком. Можешь ими пользоваться.

Для меня это становится такой неожиданностью, что все слова благодарности застревают в горле.

Улыбаюсь как блаженная, глядя то на пакеты, то на своего спасителя.

Давненько мне не дарили подарков...

Внезапно раздается трель телефонного звонка.

Насупившись, Назар извлекает телефон из кармана, после чего моментально исчезают из виду.

А я в уныние вдруг прихожу, ведь мне так и не удалось отблагодарить его.

6. Досье на "Золушку"

Назар

– Слушаю тебя. Нашел что-нибудь? – отвечаю на звонок Борзого, спешно выйдя из спальни Светы.

Девчонка хотела что-то сказать мне.

Она долго собиралась с мыслями. Я терпеливо ждал, когда ее мысли трансформируются в слова. А пока она просто издавала набор восторженных звуков.

В последний момент ее отвлек телефонный звонок. А я не мог не ответить.

– Обижаешь, – протягивает он. – Чтобы я и не нашел ничего? За кого ты меня принимаешь? За дилетанта?

– Ну, мало ли, – усмехаюсь. – "Человечек" ведь мог и не наследить нигде.

– Тут ты прав. Данных по ней не так уж много. Психологический портрет по ним вряд ли можно будет составить.

– Ты рассказывай по порядку, я составлю сам. Ты же знаешь, психологический портрет я могу составить даже по контуру трупа, обведенным мелом.

Все нутро от нетерпения уже зудит.

Масла в огонь еще подлила Света за обедом, рассказав мне свою историю.

Сама история несколько не поразила меня.

Таких поломанных судеб в стране насчитываются сотни тысяч. Никто от подобного не застрахован.

Однако есть то, что наводит на подозрения. Она что-то скрывает от меня. Что-то недоговаривает, отсюда эта чрезмерная эмоциональность, похожая на показатели скачущего курса доллара во времена экономического провала.

Сомнения вызывают те люди, ради которых Света пожертвовала своим наследством.

Если они были настолько важны для нее, то где они сейчас? Почему не оказали помощь и не приютили у себя? Живы ли они вообще? Или во всей этой истории замешан криминал?

Чтобы быть уверенным наверняка, мне нужно узнать больше подробностей о "злой мачехе".

А как их узнать, не встретившись с ней лично?

Прощупаю почву и как-нибудь в гости наведаюсь.

Войдя в гостиную, я заваливаюсь на диван. Забрасываю ноги на журнальный стол и внимательно слушаю о чем вещает Федор:

– В общем, я изучил ее кредитную историю. Три дня назад она оформила четыре кредита в разных банках на общую сумму свыше миллиона.

Костыль.

Вот же мразь гнилая. Я ему протез в задний проход точно когда-нибудь запихаю. Выдрессирую так, что он у меня гадить через рот научится.

– Дальше что? – готовлюсь услышать самое худшее.

– А дальше ничего подозрительного. Проблем с законом у нее никогда не было. Налоги платит. Правда, есть один неоплаченный штраф за остановку в неположенном месте.

Водительские права, выходит, есть.

В обложке паспорта кроме страхового свидетельства и дисконтной карты "Летуаль" я больше ничего не нашел.

– Когда, говоришь, штраф был выписан?

– погоди, сейчас гляну, – Борзый шуршит чего-то, компьютерной мышкой клацает и сопит в трубку. – А, так он уже просрочен! Выписали чуть больше месяца назад.

А вот это уже становится интересным. Надо будет уточнить как давно Свету лишили прав на наследство.

– Еще что-нибудь нарыл?

– Да так, по мелочи: окончила школу с золотой медалью, поступила в университет, но отчислена за неуспеваемость уже на первом курсе. В собственности ничего нет. Официально нигде не работает. Вкладов и счетов, помимо четырех действующих кредитов нет. Разве только номер мобильного телефона зарегистрирован на ее имя.

Не было у нее телефона при себе. Я в этом уверен.

Украли, сдала в ломбард, потеряла?

– Выписку последних звонков делал?

Не успеваю даже договорить, а Борзый уже отвечает самодовольно:

– А как же? Сделал, разумеется.

– Ну и че там? – приходится вытягивать из него.

– Да ничего такого. Все как и у всех: баланс регулярно пополняется, интернет-трафик расходуется с завидной быстротой, а вот звонков не так уж и много. В основном она звонит на один и тот же номер.

Странно.

Может, я не был столь внимательным и упустил телефон?

В конце концов, Свету я не обыскивал, а металлическую рамку на входе я как-то еще не додумался соорудить.

Спрятала телефон где-то, а я балбес новый ей купил. Еще как "каблук" над выбором расцветки мучился битый час. Боялся, что прогадаю и ей не понравится.

– Ну, а медицинскую карту ты ее проверил? – задаю я самый волнующий вопрос.

– Нет, а на кой тебе ее медицинская карта? – Федор показывает мне свой гонор.

– Надо, Федя, надо! Можешь раздобыть по-быстрому? – сверяюсь с наручными часами, вспомнив, что записал Свету на прием в клинику. – Посмотри, были ли у нее проблемы со здоровьем. Проверь, как часто она обследовалась, есть ли аллергия или какие-нибудь медицинские противопоказания.

– Не пойму, ты что, на органы девчонку планируешь продать? – еле слышно лепечет он.

– Ты чего там бормочешь? – потешаюсь я. – Вряд ли "вождь" с портрета, висящего над твоей головой, подслушает наш разговор.

– Отвечай, что собрался делать с ней!? – на изжоге он. – Мне лишние "висяки" не нужны! У меня отпуск скоро! Уже билеты куплены в Турцию.

Он же знает меня как облупленного.

Не думал, что человек, знающий меня всю свою сознательную жизнь, такого низкого мнения обо мне.

Продать на органы?

Мне конечно не раз говорили уже, что во мне бьется эта пресловутая предпринимательская жилка, но чтобы человечинной торговать – это уже слишком.

– Еще не решил точно, что буду с ней делать, – нагнетаю я забавы ради. – Но не ссы, успешь ты сходить в свой отпуск. Магнитик только не забудь привезти.

– Ну ты, Молот, даешь, – хмыкает он осуждающее, навешав на меня ярлыков. – Тогда на всякий случай зарезервирую тебе еще самые лучшие апартаменты в изоляторе с видом на небо в клеточку.

Ништяк.

Опасно все-таки иметь честного на руку друга, отдающего свои самые лучшие годы органам государственной исполнительной власти.

Места в "первом ряду" гарантированы несмотря на многолетнюю дружбу.

– Ладно, Борзый, премного благодарен тебе за помощь, но ты уж вконец не борзей.

– Да не за что. Обращайся.

– Не забудь про медкарту! Скинь мне в сообщении вместе с номером ее телефона и тем, кому она звонила. И еще, пробей по такой же схеме нынешнего собственника дома по прописке Светланы.

– А не многовато ли указаний? – ерничает он, на что глаза непроизвольно закатываются.

– Поверь, это очень важно.

– Должен будешь!

– Я в долгу не останусь, ты же меня знаешь.

– Знаю, поэтому рассчитываюсь со мной в нашу с Машей помолвку. Предложение буду ей делать. Мы планируем домик снять на базе Алтая: горы, шашлычки, выпивка, песни у костра. Ты обязан к нам присоединиться! Бери Каринку с собой и приезжайте к нам. По-братски!

Природа, мясо, коньячок – это все очень заманчиво, но вот что в этом списке делает моя бывшая? Она явно будет лишней.

– Вот как? Тогда принимай мои поздравления. Рад за вас, – нагло лгу я, сдерживая смех. – И когда планируете поехать на базу?

– В пятницу. В понедельник ранним утром обратно собираемся.

– Боюсь, никак не получится. Дела кое-какие нарисовались.

– Ну, началось! – пытается он пристыдить меня: – Чуть что, так ты сразу башку в песок зарываешь! Делами себя накрываешь! Когда мы в последний раз отдыхали компанией? В этот раз отказы я не приемлю! Чхал я на твои дела!

– Ты же знаешь, как я сейчас отношусь к шумным гулянкам, – не теряю я надежду открыться, высасывая проблему из пальца. – Не по мне это все.

– А мы тихо будем. Культурно порыбачим в пруду, выпьем у берега Катунки как в старые добрые, анекдоты потравим армейские у костра. Я гитару с собой возьму.

Он же с говном меня сожрет, если я откажусь. Обидится хуже бабы. Года два припомнить мне потом будет.

– Посмотрим. До пятницы время еще есть. Ближе к делу видно будет.

– Ну вот! Совсем другое дело! Тогда передам Маняшке, чтоб еще один домик на двоих забронировала! – раньше времени принимает мои слова за согласие, а после сбрасывает.

Неделю назад Машка изменила Борзому с каким-то обсосом в колготках и с крашеными ногтями, пока тот носился по ювелирным в поисках обручального кольца.

И что же собирается делать мой глубокоуважаемый друг-рогоносец, чтобы проучить неверную?

Правильно! Позвать ее замуж! Просто гений современности! Кладезь мудрости и великодушия!

Злость берет на Федьку.

Мужик он вроде бы толковый. Как-то дослужился до авторитетного звания, но если влюбится, то все. Башню совсем рвет.

Я бы на месте Борзого таким двуличным бабам вроде Машки кольцо не на палец надел, а засунул бы куда следует, чтоб не плодились больше и не разводили вокруг себя грязь.

– Назар? – застревает голос Светы где-то в отдаленных уголках сознания. – Ау?

Фокусирую зрение. Уперев ладони в коленочки, передо мной склонилась Света. Взирает на меня своими глазами-пуговками.

– Чего тебе? – немного грубо прилетает.

Еще не переключился от мыслей о Машке-блуднице, как Света вторглась в мое личное пространство.

– Так это... – сконфуженно произносит, покраснев, – я хотела вас на чай пригласить. Хотите?

– А есть че покрепче?

Света выпрямляется. Моргает.

– Не знаю. Это ж ваш дом. Хотите я позову Хеннеси?

– Свет, в пятницу ничего не планируй, – задумавшись, говорю, чем ввожу ее в ступор.

– Как жаль, у меня как раз дел было невпроворот, – шутить она пытается, горло прочищает, понимая, что шутка не удалась. – А что будет в пятницу?

– Операция по спасению крупно рогатых, – отчебучив, расплываюсь в азартной улыбке.

Света глаза округляет в непонимании. А я сам не понимаю, зачем ввязался в это. Да еще и девчонку впутал.

– А ты пока собирайся. Поедем в клинику анализы сдавать, а чаек по дороге поьем, – распоряжаюсь.

Света не рада такой перспективе. Приуныла вдруг.

7. Результат анализа прошлого

По дороге в клинику Света преимущественно помалкивала всю дорогу. Лишь изредка она вздыхала, поглядывая в окно.

Чем ближе мы подъезжали к месту, тем тяжелее были ее вздохи.

Нервничала девчонка.

Оно и понятно. Я б тоже перебздел, если бы какой-то идиот меня родить от него заставил.

Ну, образно выражаясь.

Сегодня я смог записать Свету только на осмотр и УЗИ, а уж если "внутри" у нее все работает как швейцарские часы, то можно будет смело приступать к подготовке.

Надеюсь, за месяц уложимся.

В кабинет гинеколога Света входила так же неохотно. Долго стояла в проходе, переминалась. Оглядывалась, смотря на меня так, словно прощалась. Как будто я и впрямь на органы ее продаю.

Пришлось утешать дуреху на глазах у всего персонала.

К груди своей ее голову прижал, мягкие волосы перебирал, успокаивал. Я видел на ее лице сомнения, чувствовал страх, сквозящий из нее.

Тогда я сказал, что она может уходить. Прямо сейчас может отказаться от моего предложения и вернуться к своей прежней жизни.

Я ж не тиран какой-то там, чтоб насильно заставляю делать то, о чем она потом может пожалеть.

Я предоставил ей выбор: выйти из этой клиники без возможности передумать, либо засунуть куда подальше все свои страхи, войти в кабинет и пройти осмотр.

Света умненькая девочка. В результате она выбрала второй вариант, практически не колеблясь.

Вошла в кабинет, оставив меня сидеть на раскаленных углях.

По прошествии десяти минут, что она находится в кабинете, меня начинает раздражать абсолютно все, что окружает: люди, галдеж, характерный запах медикаментов.

От безделья становлюсь у куллера и за последующие пять минут выпиваю всю воду из него.

Шалют! Нервишки-то шалют! Не стальные все-таки!

Стоит подумать о чашке забористого кофе, как на глаза вдруг попадает уголок для посетителей. А там стол со стоявшей на нем банкой дешманского растворимого.

Хватаю банку, отвинчиваю крышку и сыплю в пластиковый стакан прямо из горла. Застываю, вытянув руку со стаканом перед собой.

Залить-то нечем. Облом в чистом виде.

С кислой рожей смотрю на пустой бутыл в куллере, затем на стакан, ровно наполовину наполненный черным кофе. Гипнотизирую его.

Да и черт с этой водой!

Разве забыл как в школьные годы с голодухи сухой "роллтон" жрал?

Внутри один фиг все растворится.

В итоге опрокидываю в себя стакан, набивая полный рот кофе. Челюстью активно работаю, ощущая как горькие гранулы похрустывают на зубах.

Разворачиваюсь и напарываюсь на ошарашенный взгляд администраторши, сидящей за стойкой. Она в шоке пребывает от моей выходки.

– Чего уставилась? Думаешь, псих? А хрен ты угадала! Вода у вас тут закончилась! – в грубой форме бросаю, сминая в ладони стакан.

Оскаливаю зубы в кофейном налете, после чего швыряю в урну то, что осталось от стакана, и скрываюсь от пришибленной администраторши в тамбуре. В нем тесно и мрачно как в карцере.

Вынимаю телефон из кармана пиджака. В сообщениях пусто. Тогда я отправляю Борзому напоминалку: *"Ты там сдох, что ли? Че так долго?"*

Федька моментально перезванивает.

– Да, сдох! Только не я, а сервер, будь он проклят, – отчитывается он впопыхах, жует что-то. – Минут двадцать назад только починили!

– Так и что в итоге? Сколько еще ждать?

С того конца провода раздается хлопок двери и шипение.

Вслух матерясь, присаживаюсь на пуфик для карликов, вмещающий только половину моей задницы, и разглядываю в урне грязные бахилы. Жду, когда Борзый наконец разродится.

– Значит, так, – Федька налаживает контакт, я внимаю, – у этой девушки не так много записей в медкарте. В детстве она перенесла ветрянку, пару раз подцепила кишечную инфекцию. Ну, грипп там, ОРЗ, все дела. Ключицу ломала, уже будучи подростком. А позапрошлой осенью ее госпитализировали с подозрением на аппендицит, но он не подтвердился. Короче, выяснилось, что она беременна. Есть информация, что ее положили на сохранение.

Дебри... Чую, забрался я в глухие дебри.

Все конечности тяжестью наливаются от такого неожиданного поворота. Причем на таком крутом вираже меня даже слегка заносит в стену. Зад перевешивает и я едва ли не соскальзываю с пуфика.

На ноги поднимаюсь, сжимаю телефон до хруста.

– Вот как? – забормотал я одеревенелым языком. – И что, аборт сделала?

– Да черт бы знал! Больше записей никаких не нашел. Как вариант, вычистила нелегально где-нибудь, поэтому и отметок нет. А ты чего так удивился?

– Да так, – прогоняю прочь мысли, способные расшевелить волосы на башке. – Ты лучше скажи, узнал что-нибудь о той злой мачехе?

– О ком?

Черт.

Все забываю, что Борзый не в теме. Как-нибудь по пьяни расскажу ему о своем плане, а сейчас пока нет желания.

– О нынешнем собственнике, где раньше была прописана Красавина Светлана.

– А, да. Я как раз собрал всю инфу в один документ. Сейчас на почту тебе сброшу.

Вскоре мне приходит досье на гражданку Бауэр Наталью Марковну:

"Уроженка Дна, окончила восемь классов. Семь лет проработала в ЖЭКе начальницей швабры и ведра. Вышла замуж за самого завидного слесаря города Дна и родила от него разнополых детей погодок. Затем внезапно Наталья разводится с муженьком и переезжает. Без какого-либо образования устраивается в агентство недвижимости на должность "поднеси-подай". И спустя год ее жизнь кардинальным образом меняется. Бауэр за наличный расчет покупает четырехкомнатную квартиру в престижном районе города, оформляет на сына дорогую машину, а на дочь усадьбу в Подмоскovie, после чего благополучно увольняется из агентства, чтобы открыть собственное совместно с нотариальной конторой. А еще через год Светлана Красавина переоформляет на ее имя дом".

Не нужно быть следаком, чтобы понять, что вся эта история мутная.

Каким образом простой секретарь мог позволить себе без ипотеки приобрести квартиру на "Жуковке" стоимостью семнадцать миллионов?

Или работа на должности секретаря была всего лишь ширмой?

На самом деле Наталья работает, к примеру, в сфере эскорта?

Я не понаслышке знаю, что за один выход/одну ночь редчайшим экземплярам там платят баснословные деньги.

Смеюсь в голос своим абсурдным мыслям.

Ну, какой из Бауэр Натальи Марковны редчайший экземпляр? Там максимум динозавр обыкновенный.

Короче, мутная личность. Но ничего, я и с этим как-нибудь разберусь.

Позади себя слышу как кто-то неестественно покашливает. Спрятав телефон в карман, разворачиваю голову медленно.

В проходе стоит моя давняя знакомая Альбина Елисеева. А если точнее, то та самая докторша, которой я передал Свету. А самой Светы почему-то нет.

Подхожу к женщине и бровь вопросительно вскидываю.

Что ей надо от меня?

– Назар Михайлович, вы просили позвать вас, когда осмотр закончится, – елеинно говорит докторша, деловито поправляет свои очки на переносице.

Мысленно закатываю глаза и вдыхаю тяжело-тяжко.

– Вообще-то я просил позвать меня, если что-то будет не так.

– Ну так... – руками она разводит.

– Что не так? Где Света?

Вскипаю как чайник, клокотать все внутри начинает. Если Альбина станет медлить, у меня пар из ушей точно повалит.

Неужели ошибся насчет девчонки? Она больна? Заразна? Бесплодна?

– Не переживайте, Светлана скоро уже выйдет. Она одевается.

Дело не меняет. Я по-прежнему остаюсь максимально взведенным и подозрительным.

– Ты что-то у нее нашла? Так?

– Не совсем. Ваша будущая жена однажды уже была беременна, – чеканит она. – Я посчитала нужным вам сказать, поскольку поняла, что вы об этом не знаете.

Мощнейший разряд тока получаю и вздрагиваю, услышав слово "жена". На все остальное никакой реакции не следует.

Дело в том, что когда записывал Светку на прием, сдуру назвал ее своей невестой.

Это вышло случайно. Вырвалось. А Альбина, естественно, заострила на этом внимание.

Я ж не знал, с кем разговаривал. Обычно вызовы принимают администраторы. А тут Альбина – та, с кем меня связывает всего одна ночь и два месяца безжалостного поедания моего мозга – своего рода расплата за то, что "обманом обесчестил" и не смог предложить ей большего.

Ха!

С тех пор и не связываюсь с незамужними женщинами. Сразу же обращаюсь в агентство, тем самым избавляя себя от подобных бесячих проблем.

– Тебя опередили. Я уже узнал о беременности Светы.

– То, что ей уже приходилось рожать, безусловно, считается большим плюсом, но пока слишком рано приступать к подсадке. Прежде всего необходимо восстановить организм девушки.

После услышанного мозга мои превратились в жижу и окончательно поплыли.

– Что... Что ты только что сказала? – скриплю я как ржавая калитка.

– У Светланы приличный дефицит массы тела. Из-за истощения организм находится в постоянном стрессе. А откуда уже вытекает гормональный сбой и нарушение цикла, а также..

– Да нет же! – громыхаю я на все здание, обрывая болтовню докторши.

Вытаращив глаза на меня, та захлопывает рот. Я прочищаю горло, стараюсь совладать со своими эмоциями и продолжаю уже более спокойно:

– Ты сказала, что ей уже приходилось рожать. Она что, мать, вашу мать?

– Да, Света сказала, что пятнадцать месяцев назад родила близнецов. Мальчиков. Звездец.

– Странно, она мне ничего подобного не говорила, – заторможенно проговариваю, вспоминая детали нашего разговора.

Может, что-то упустил?

Вряд ли. Я даже предположить не мог.

Выходит, солгала мне. Замолчала.

А смысл?

Дело в деньгах, которые я ей пообещал?

– Ее очень сильно что-то беспокоит, – продолжает Альбина выгораживать Свету. Пресловутая женская солидарность. – Налицо психогенное расстройство, а в таких случаях люди обычно специально отказывают себе в еде. Назар Михайлович, вам нужно срочно что-то предпринять.

"Ой, не пори горячку только", – сморщившись, фыркаю на женщину в белом халате.

Света не психичка. Это ты больная на всю голову!

И вообще у Светы завидный аппетит. В еде не привередлива.

Посмотрел бы я на твое состояние, если бы ты перебивалась одним куском хлеба продолжительное время.

Злость на Свету быстро рассосалась в моей крови. Мне снова хочется защищать эту девочку всевозможными способами. Хочется сделать так, чтобы она забыла о тех временах, когда ей приходилось довольствоваться одним хлебом.

– Да, наверное, ты права, – уклончиво отвечаю.

Сторонюсь женщину и шагаю к кабинету, откуда должна выйти Света.

Альбина бежит за мной вдогонку. Каблуками цокает о бетонный пол, волосы назад.

– В общем, к чему я это? Я назначу Светлане лечение, а вам как будущему мужу, советую следить за ее своевременным питанием, иначе она больше никогда не сможет родить, – бросает камень в мой огород.

Ей только волю дай, она меня с ног до головы камнями закидает.

– Если запустить, то это может привести не только к бесплодию, но и к более печальным последствиям. Светлане нужна помощь. И психологическая в том числе!

– Я за всем этим прослежу, – отмахиваюсь от женщины. – Я найду способ помочь Свете.

Горделиво вздернув нос, Альбина бросает на меня убийственный взгляд, а затем скрывается за дверью своего кабинета.

Что, черт возьми, происходит?

Слышу позади меня носом шмыгают. Я голову вполоборота разворачиваю. Света стоит, откинувшись на дверь кабинета, из которого только что вышла.

Лица на ней совсем нет. Она в расстроенных чувствах. Плакала девчонка снова.

– Вам уже сказали, да? – спрашивает она, смотря себе под ноги.

О, да! И мне не терпится узнать что ты от меня скрываешь!

Почему? Почему Света не сказала мне, что у нее уже есть дети?

Наверное, потому что вопрос был задан мною не совсем корректно.

Я ведь спросил о наличии детей, а не о том, рожала ли она в принципе.

Нет у нее детей. Ввиду своего безвыходного положения она была вынуждена отказаться от них при рождении, чтобы спасти им жизни.

А не призналась мне, потому что стыдно по сей день. Поступок совсем не красит ее.

Совість загрызла, вот и не рассказала. Посчитала, что я сделаю из этого выводы и прогоню ее.

Зная себя, я мог выгнать безответственную, ведь тогда еще не знал точную причину, которая привела Свету к скитанию по улицам без средств к существованию.

Сейчас мне нужно постараться не усугублять ситуацию. Не напоминать ей о детях. Для начала необходимо поправить ей здоровье, да с ушедшей мачехой разобраться.

Захочет, сама расскажет о сыновьях. А не расскажет – плевать. Меня это не должно волновать.

Я документ у нее из рук забираю, забрасываю свою лапищу ей на плечо и к себе притискиваю. К выходу веду.

Пора уже убраться из этого места.

– Сказали, – говорю как есть.

Взгляд на меня извиняющийся поднимает, а в глазах слезы накапливаются. Не может долго смотреть на меня – опускает голову, давая слезам упасть на грудь.

– И что вы думаете по этому поводу?

Подбородок дрожит, ее тон опасливый, осторожный. Словно она в полной готовности бежать от меня без оглядки.

– Думаю, что нам надо поправлять твое здоровье.

Ноги ее врастают в асфальт. Мы каких-то метров десять не доходим до машины. Света неверящим взглядом на меня смотрит.

– И все? – неуверенно на выдохе.

– А есть еще что-то, чего я не знаю? – подозрительно шурюсь, предоставляю ей возможность самой рассказать мне всю правду.

– Просто я думала, что, – мешкает она, глядя по сторонам, а затем вдруг в застенчивой улыбке расплывается, зубки белоснежные сверкают, ослепляя меня похлеще полуденного солнца. – А хотя не важно! Поедем домой.

Домой...

Мой дом теперь твой дом...

Кивнув, я распахиваю дверь своего пикапа. Придерживая за тонкую талию, помогаю ей забраться на подножку. Она присаживается на сиденье и снова одаривает меня самой милой улыбкой на свете.

Никогда таких улыбок не видел. Вот чтоб прям в душу западало – нет, не помню таких.

– Вот и я того же мнения, – убираю ее волосы за ухо, к нежной щеке прикасаюсь. Глаза ее вспыхивают, искрятся серебром. – Сейчас нам важно привести тебя в порядок. Запустила ты себя, лучик Света.

Смотрит на меня пристально и я туда же. Мы гипнотизируем друг друга взглядами. Света кончиком языка по верхней губе проводит.

Я же уже говорил, что хотел бы сделать с ее язычком?

Соблазн, мать его. Непреодолимый....

– М-м-м... Как же красиво, – беззвучно произносит она и глаза прикрывает, лишив меня возможности затеряться в их глубине.

– Что, красиво?

Застыл. Мозги не варят совсем.

Готов часами разглядывать девчонку и восхищаться невинной красотой ее души. Тем, что все ее чувства и эмоции лежат на поверхности. Для меня. Их не составляет труда прочесть.

Света руку мою со своей щеки убирает. Обхватывает ее и к груди прижимает. Там ее сердце вскачь пускается.

– Лучик Света. Так меня еще никто и никогда не называл.

Каких-то два слова, сказанных ей, а она счастлива так, словно я весь мир к ее ногам положил.

Удивительная...

– Только чистое создание способно разглядеть красоту в простоте. Не растрать в себе эту уникальность.

– Все в ваших руках, Назар, – песней льются слова ее.

Следом и я ныряю в салон, выезжаю на магистраль, чувствуя на себе ее выжигающий взгляд.

Кошусь на Свету, а она резко переводит глаза в окно. Думает, не заметил, что пялилась на меня всю дорогу.

Улыбаюсь как мальчишка. Через пару минут снова поворачиваю голову на нее и ловлю Свету с поличным.

– Спасибо вам, – говорит она, светясь как начищенный пяточок.

– За что?

– За то, что возитесь со мной.

Дело на самом деле нисколько недоброе. Скорее, эгоистичное.

В своих эгоистичных целях я вожусь с ней как с ребенком маленьким.

Но мысли свои не озвучиваю никак. Не хочу портить ни ей, ни себе настроение. Хочу как можно дольше видеть на ее красивых губах улыбку, способную враз обезоружить меня.

8. Паук vs Змеюка подколотная

С утра я дозваниваюсь в агентство недвижимости, принадлежащее Наталье Бауэр, и запрашиваюсь на личную встречу с ней. Ввиду ее занятости, меня записывают аж на следующую неделю.

Такой расклад меня в корне не устраивает, поэтому уже через полчаса взбесившимся цербером я врываюсь в офис агентства недвижимости.

– Тунеядцы! Бездари самые настоящие! Расселись тут, прикидываетесь перед начальством, что работаете?! За что вам только деньги платят!?

Надсаживаю связи, разыгрывая драматическую сцену, которая, с большей долей вероятности, может перерасти в трагикомическую.

Всех клиентов распугал своим ревом, приправленным враждебным видом.

Сотрудников на уши поднял. Пovyлазили изo всех щелей, посмотреть кого это к ним занесло с утра пораньше.

Натальи среди них не наблюдаю, а значит нужно как-то выкуривать ее из своей будки.

– Прошу прощения. У вас возникли какие-то проблемы? – интересуется осмелевшая девушка.

Самой ее не видать. Одна только макушка торчит из-за монитора.

– У меня? – хмыкаю, пальцем поочередно тычу в каждого. – Нет, это у вас возникли проблемы! Огромные проблемы! Вы хоть понимаете, с кем имеете дело? Да я с землей сравниваю эту вашу шарашкину контору!

Тишина стоит гробовая. Все ошарашенно переглядываются друг с другом, а я кое-как сдерживаю себя, чтобы не рассмеяться.

Эффект произвел то что надо.

Я продолжаю нагнетать обстановку. Ношусь из угла в угол, меряя размашистыми шагами небольшой офис. Внимание к себе привлекаю.

Та же девушка подсказывает из-за стола. Шустро огибает его, нервными движениями поправляет свои волосы, и становится напротив меня.

В глазах непонимание, оторопь.

– Молодой человек, давайте разберемся. В чем суть вашей проблемы? Может, я смогу вам как-то помочь? – учтиво она произносит.

Окидываю ее презренным взглядом, набросив на себя важности с тонну.

– Три дня назад я связывался с вашим сотрудником! – бегло осматриваю рабочие столы, на которых стоят таблички с именами. Увидев пустующий стол, киваю подбородком на него. – Валентиной Судаковой! Я попросил ее в короткий срок подобрать мне квартиру на "Жуковке"! Так и что в итоге? Ни ответа, ни привета, а время ушло! Где у вас книга жалоб? Немедленно дайте мне ее!

– Мужчина, успокойтесь. Вероятно, Валентина забегалась. Она совсем недавно тут работает, – впопыхах возвращается она за свой рабочий стол, чуть ли не выскакивая из туфель. – Я сейчас же найду вам подходящие варианты. Только присядьте, пожалуйста! – девушка поглядывает на свою коллегу и в приказном тоне говорит ей: – Оль, чего сидишь? Сделай чай клиенту!

Та самая Оля только корму свою приподнимает из кресла, в которое уже вросла, как я тотчас рывкаю:

– Не надо мне чая! Книгу жалоб лучше принесите! А потом поговорим!

– Но...

Деланно вскидываю руку, сверкнув дорогими часами. Нахмурившись, на циферблат смотрю.

– Так все! Где ваш начальник? Она там? – указываю я на стеклянный аквариум с кричащей табличкой "руководитель". – Я хочу пообщаться с ней! Сейчас же!

Пру напролом в сторону кабинета, а мне вслед бормочут:

– Сожалею, но Наталья Марковна вышла. Подождете?

Смотрю на девушку насмешливо.

Разве я сейчас похож на того, кто будет ждать? Самой не смешно?

– Нет! Вызывайте! Иначе я потоплю вашу контору к чертовой матери! Один звонок – и завтра вы все уже будете безработными!

Девушка судорожно кивает, хватая гаджет со стола и пулей вылетает из офиса. Оставшиеся сотрудники хвосты поджимают. За мониторами прячут свои головы, посыпанные пеплом.

Я приступаю к разглядыванию различных грамот и наград, вывешенных на стенах. Нахожу уголок потребителя с книгой жалоб. Раскрываю ее. Мельком читаю благодарственные отзывы клиентов.

Все они приторные настолько, что с трудом верится в их подлинность.

– Вот, Наталья Марковна. Этот мужчина хотел вас видеть, – раздается сбоку и в ноздри моментально просачивается сладкий запах навязчивого парфюма.

В глотке свербеть от него начинает, в глазах щиплет.

Я отвлекаюсь от чтения хвалебных отзывов, взгляд поднимаю на ту самую Наталью Марковну, стоявшую около меня.

Улыбку давит из себя так, что щеки вот-вот треснут.

Хм.

Посмотрим, как ты будешь улыбаться мне, когда узнаешь, по какой причине я сюда пришел.

– Добрый день. Я руководитель агентства "Мечта под ключ". Меня зовут Наталья Марковна, но вы можете называть меня просто Натальей, – кокетливо стреляет в меня глазками и выставляет ладонь. – Как я могу к вам обращаться?

Я так и не решил какую тактику мне применить в общении с ней: оказать давление сразу же или подходить к этому постепенно.

– Назар Михайлович. Можно просто уважаемый Назар Михайлович, – через губу отвечаю, пожимаю ее ладонь до хруста костяшек, отчего ее накрашенный рот набок сползает.

Она растерянно моргает, ладонью болезненно встряхивает.

– Что ж, уважаемый Назар Михайлович, пройдемте в мой кабинет. Обсудим вашу проблему и обещаю, я накажу тех, кто посмел испортить вам мнение о нашем агентстве!

Насчет динозавра обыкновенного я не ошибся.

Жгучей брюнетке уже давно перевалило за сорок пять, но молодится она знатно. На зависть молодухам.

Лицо у нее, словно маска перетянутая. Взгляд удивленный оттого, что глаза из-за косметических вмешательств до конца не прикрываются. А губы так вообще на задницу макаки чем-то смахивают.

Однако фигура у нее достойная: упругая филейная часть, обтянутая узкой юбкой, внушительный размер холмов, точащих под полупрозрачной блузкой с неприличным декольте, и стройные ножки в чулках. Их кружевная кромка выглядывает из разреза юбки, когда она выписывает округлыми бедрами восьмерку.

Вхожу в аквариум вслед за Натальей. Дверь за собой плотно прикрываю. Все сотрудники теперь высматривают нас сквозь прозрачное стекло. Ждут продолжения представления.

Женщина сумочку свою вешает на кожаное кресло, присаживается в него и клацает по мышке, чтоб оживить компьютер.

Вид серьезный, важный.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – указывает она на кресло напротив, внимательно вглядывается в экран монитора. – Итак, я правильно понимаю, вас интересует жилье на "Жуковке"? Готовое или рассматриваете на этапе стройки?

Вальяжно рассевшись, я смотрю в упор на женщину.

Умная, коварная, расчетливая, беспринципная, чрезмерно гордая и знающая свой каждый шаг наперед. Такая ни за что не расколется, даже если я на горло ей наступлю. В ментовке окажусь глазом моргнуть не успею, а вот усыпить ее бдительность путем джентльменских замашек попробовать можно.

Молчу, челюсть потираю, определившись наконец со своей тактикой.

Назовем ее тактикой паука.

Для начала сплету паутину лжи и лицемерия вокруг нее, с ног до головы обвешу ею. А уж потом с помощью парочки обманных маневров замотаю по рукам и ногам в кокон, где она и расколется.

Да.

План настолько разжигает во мне азарт, что в жар всего бросает.

Потянувшись за узелок галстука, ослабляю его.

Наталья ведет взволнованный взгляд с не окольцованного безымянного пальца правой руки в глаза.

Есть контакт.

Мой взгляд тем временем ползет с ее лица, очерчивает губы, шею и застревает на ложбинке.

– Эм-м... Может, кофе или чай хотите для начала? – с придыханием произносит она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.